947
Ч-93
085579

947
Ж 74

ЖИТІЕ
ѲЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА
УШАКОВА,

947
Ж-74

съ

приобщеніемъ нѣкоторыхъ его

сочиненій.

Архр1954

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Императорской Типографіи
1789 года.

Часть Первая.

ЖИТІЕ

ѲЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА.

Алексѣю Михайловичу Кутузову.

Не безъ удовольствїя, думаю, любезнѣйшїй мой другъ, воспоминаешь иногда о дняхъ юности своея; о времени, когда всѣ страсти, пробуждаяся въ первый разъ, производили въ новой душѣ не стройное хотя волненїе, но дни блаженнѣйшїе всея жизни содѣловали. Беззаботный духъ и разумъ неопытностїю не прѣтили въ веселїи распространяться чув-

ствамъ, чуждымъ скорбнаго еще нервовъ содроганїя. Да и самая печаль, грусть и отчаянїе скользили, такъ сказать, на юномъ сердцѣ, не проницая начальную его твердость, когда не рѣдко наиплачевнѣйшїй день скончавался веселїя изступленїемъ. Отвлеки мысленно невинную часто порочность изъ дѣянїй юности, найдешь, что послѣ первыхъ восторговъ веселїя, подобныхъ въ жизни своей не чувствовалъ. Первое веселїе назвать можно вершиною блаженства, и по тому только, что оно первое; послѣдующее уже есть повтореніе и нечаянности пріятность его не живитъ. Не съ удовольствїемъ ли, мой другъ, повторю я, воспомянешь

нешь о времени возрожденїя нашей дружбы, о блаженномъ семъ союзѣ душъ, составляющемъ нынѣ мое утѣшенїе во дни скорьби, и надѣянїе мое для дней успокоенїя. Не возрадуешся ли, если узришь паки подавшаго нѣкогда намъ примѣръ мужества, узришь учителя моего по крайней мѣрѣ въ твердости. Воспомяни, о мой другъ! *Ѳедора Василевича* сгараема внутреннимъ огнемъ, кончину свою слышавшаго изъ устъ нелъстиваго своего врача, и къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ прибѣгающаго на скончанїе своего мученїя. . . . . Воспомяни сїю картину, и скажи, что дѣлалось тогда въ душѣ твоей. Пїющїй Сократъ отраву предъ друзьями

своими наилучшее преподалъ имъ ученїе, какого во всемъ житїи своемъ не возмогъ.

Таковыя размышленїя побудили меня описать житїе сотоварища нашего *Ѳедора Василѣевича Ушакова*. Я ищу въ томъ собственнаго моего удовольствїя; а тебѣ, любезнѣйшему моему другу, хочу отверзти послѣднїя излучины моего сердца. Ибо не рѣдко въ изображенїяхъ умершаго найдешь черты въ живыхъ еще сущаго.

Первые годы жизни *Ѳедора Василѣевича* мало мнѣ извѣстны; и хотя бы охотно и съ удовольствїемъ ихъ я начерталъ, нахо-

дя въ первѣйшихъ дѣтскихъ и отроческихъ дѣяніяхъ начальное образованіе души его, находя въ пятилѣтнѣмъ *Ушаковѣ* семена твердости, душу его возвышавшей въ возмужалыхъ лѣтахъ: нр лучше признаюсь въ невѣденіи моемъ, нежели поставлю что либо гадательное вмѣсто истинны, и единственнаго да не отъиму побужденія ко чтенію сего, повѣствованія во истиннѣ.

Но не гадательнымъ предположеніемъ назвать можно, если скажу, что воспитаніемъ своимъ въ сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ положилъ онъ основательное образованіе прекрасныя своея души. Ибо въ душѣ своей болѣе

предуспѣть могъ, нежели въ разумѣ, скончавъ жизнь свою тогда, когда юношескою крѣпостїю мозга представленїя, воображенїя и мысли, проницая другъ друга, первыя полагаютъ украшенїя верховнаго нашего члена главы; когда разумъ, хотя собравъ посредствомъ чувствъ много понятїй, не имѣлъ еще довольнаго времени устроить ихъ въ порядокъ, дабы и послѣднее возбуждало первое, преходя все между стоящее.

Успѣхи *Ѳедора Василѣевича* въ наукахъ побудили тогда Тайнаго Совѣтника *Теплова* взять его къ себѣ въ должность Секретаря, съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника. По изданїи Рижскаго торго-

торговаго устава, при составленїи котораго онъ много трудился, получилъ онъ чинъ, Коллежскаго Ассессора. Люди ослѣпляющїеся внѣшностїю, и чтущїе въ человѣкѣ чинъ а не человѣка, завидуя ему и предъуказуя его возвышенїе, обучалися уже его почитать заранѣе: но сколь не равныхъ съ ними онъ самъ о себѣ былъ мыслей, доказалъ по самымъ дѣломъ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА, между многими учрежденїями на пользу Государства, восхотѣла, что бы между людьми, въ дѣлахъ судебныхъ, или судопроизводныхъ обращающимися, было нѣкоторое число судей имѣю-

щихъ понятïе, какимъ образомъ отличившïеся законоположенïемъ своимъ народы оное сообразовали съ дѣянïями гражданъ насудѣ. На сей конецъ опредѣлила послать въ Лейпцигской Университетъ двѣнадцать юношей для обученïя Юриспруденцïи и другимъ къ оной относящимся Наукамъ. Будучи извѣщенъ о семъ благомъ намѣренïи ИМПЕРАТРИЦЫ *Ѳедоръ Василѣевичъ* прибѣгнулъ прозьбою къ начальнику своему, да участвуетъ въ приобрѣтенïи знанïй, сотовариществуя юношамъ, избраннымъ для отправленïя въ Лейпцигской Университетъ.

Узнавъ о его предпрïятïи многïе изъ его друзей увѣщевали

ли его, да останется при своемъ мѣстѣ, и да не предпочтетъ невѣрную стезю къ почестямъ, ученость, покровительству своего начальника, и да не подроетъ тѣмъ основанія своего возвышенія. Въ дѣлахъ жизнейскихъ, говорили они ему, все зависитъ отъ разщета и уловки. Кто въ нихъ слѣдуетъ единому разсудку и добродѣтели, тотъ не брежетъ о себѣ. Благоразумїе, а иногда одинъ разторопной поступокъ далѣе возводятъ стяжающаго почестей, нежели всѣ добродѣтели и дарованїи совокупно. Положимъ, что Государь истинное достоинство только награждаетъ, и пристрастенъ не бываетъ ни коли; но если бы возможно было ему хотя од-

ному быть безпристрастному въ своемъ Государствѣ, всѣ другїе начальствующїе въ его образѣ таковы не будутъ; ибо если онъ возможетъ чуждъ быть родству, приязни, дружбѣ, любви, хотя по тому, что равнаго себѣ не имѣетъ, то кого найдешь ему подобнаго. Сверхъ же того онъ малаго токмо числа Отечеству, или ему служащихъ самъ по себѣ знаетъ истинныя заслуги, о всѣхъ другихъ судитъ по слуху, награждаетъ того, кого назначаютъ Вельможи, казнитъ не рѣдко того, кто имъ не нравится. Изъ нѣсколькихъ милїоновъ ему подвластныхъ едва единое сто служатъ ему; всѣ другїе (изпочая кровавыя слезы, признаться въ томъ дол-

должно,) всѣ другїе служатъ вельможамъ. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающихъ въ чины; кто чинъ, или мѣсто, или награжденїе какого бы рода ни было получитъ, обязаннымъ себя, да и справедливо, почитаетъ благодарить за то вельможей. Одного благодаритъ за то, что его рекомендовалъ Государю, другаго за то, что не былъ ему противенъ, третьяго, что бы впередъ не говорилъ о немъ худо. Государь не рѣдко бываетъ въ семъ случаѣ ничто иное, какъ корабль направляемый тѣмъ вѣтромъ, который другихъ превозмогаетъ. Итакъ оставь пустую мысль и тщетное намѣренїе быть

извѣ-

извѣстнымъ Государю, въ низкомъ состоянїи слѣдуй начатому пути и предуспѣешь.

Положимъ, что ты пребыванїемъ своимъ въ училищѣ приобрѣтешь знанїя превосходнѣйшїя, что достоинъ будешь управлять не токмо важнымъ отдѣленїемъ, но достоинъ будешь вѣнца; не уже ли думаешь, что тебя Государь поставитъ на перьвую по себѣ степень? Тщетная мечта юнаго воображенїя! По возвращенїи твоемъ имя твое будетъ забыто. Вмѣсто того что ты извѣстенъ нынѣ чрезъ твоего начальника, о тебѣ тогда и не воспомянутъ, ибо не удостоитъ тебя Государь, можетъ быть, воззрѣнїя,

нїя, отвлеченный отъ того или правленїя заботою, или надмѣнностїю сана своего, или завистїю вельможей, которые, осаждая непрестанно престолъ Царскїй, претятъ проникнуть до него достоинству. А если изтекаетъ на него награжденїе, то удѣляютъ его всегда въ видѣ милости, а не должнымъ за заслуги воздаянїемъ. -- Ты помѣстишся въ число такихъ людей, кои не токмо не равны будутъ тебѣ въ познанїяхъ, но и душевными качествами иногда ниже скотовъ почесться могутъ; гнушаться ихъ будешь, но ежедневно съ ними обращаться долженъ. Окрестъ себя узришь не рѣдко согбенные разумы и души, и самую мѣрзость.

зость. Возненавидѣнъ будешь ими; поженутъ тебя, да оставишь ристанїе имъ свободно. А если тогда начальникъ твой будетъ таковыхъ же качествъ, какъ и раболѣпствующїе ему; берегись, гибель твоя неизбѣжна.

Таковыми ужасными представленїями друзья *Ѳедора Василевича* старалися отвратить его отъ его предпрїятїя. Начальникъ его, хотя другими доводами, то же имѣлъ намѣренїе: но всѣ старанїя ихъ были тщетны. Полагаяся твердо на правосудїе своего Государя, и алкая науки, *Ѳедоръ Василевичъ* пребылъ не поколебимъ въ своемъ намѣренїи, и ученїя ради сложилъ съ себя

муже-

мужественный возрастъ, что степень почестей, ему уже давано въ обществѣ, сталъ неопытной юноша, или паче дитя, преклоняяся въ управленїе наставнику, управлявъ уже собою нѣсколько лѣтъ въ разныхъ жизни обращенїяхъ.

Описывая житїе столь близкаго сердцу моему человѣка, какъ то былъ *Ѳедоръ Василевичъ*, я не скрою однако же и того, чего разумъ его не могъ еще въ немъ исправить, и къ чему обращенїе въ большемъ Свѣтѣ приучило юныя его чувства. Сїе то предвременное познанїе большаго общества, гдѣ съ дядькою казаться уже стыдно, навлекло ему болѣзнь

въ

въ лѣтахъ крѣпости, и смерть безвременную.

Вышедъ изъ Кадетскаго Корпуса *Ѳедоръ Василѣевичъ* сталъ управлять самъ собою. Семнадцатилѣтней юноша, наперстникъ вельможи, коего тогдашній доступъ до Государя всѣмъ былъ извѣстенъ, не могъ онъ обойтися безъ искушенія, и сіи были различнаго рода. Большая часть просителей думаютъ, и не рѣдко справедливо, что для достиженія своей цѣли, нужда приязнь всѣхъ тѣхъ, кто хотя мизинцомъ до дѣла ихъ касается; и для того употребляютъ ласки, лесть, ласкательство, дары, угожденія и все, что вздумать можно, не

только къ самому тому, отъ кого исполненїе прозьбы ихъ зависитъ, но ко всѣмъ его приближеннымъ, какъ то къ Секретарю его, къ Секретарю его Секретаря, если у него оной есть, къ писцамъ, сторожамъ, лакѣямъ, любовницамъ, и если собака тутъ случится, и ту погладить не пропустятъ. Таковыя же ласкательства, угожденїи, и Богъ вѣсть что употреблено было отъ просителей на снисканїе благоволенїя *Ѳедора Василѣевича*. Богачь сулилъ злато, но не успѣвалъ, и долженствовалъ возвращаться съ негодованїемъ. Но если благоразположенная душа его отметала мздоимство, не могла она отметать всегда вида приязни. Трудившись

дившись во весь день, охотно ѣзжалъ онъ по вечерамъ въ собранїи малыя и большїя, на балы, маскерады, ужины, гдѣ не рѣдко просиживалъ за карточною игрою до полуночи, а иногда гораздо позже. Возвращаяся домой не рѣдко вмѣсто возобновленїя силъ благотворнымъ сномъ, принужденъ бывалъ приниматься паки за работу, и свѣтило дневное восходя на освященїе блаженства и нещастїя заставало его согбеннаго надъ трудомъ, невкушавшаго еще сладости успокоенїя.

Въ числѣ множественныхъ просителей бывали иногда женщины, женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справед-

ливой

ливой или неправильной ихъ прозбѣ, забывали иногда чѣмъ были должны цѣломудрїю, а иныя помня лѣты того, къ кому шли на прошенїе, умышленно употребляли чары красоты своея на приобрѣтенїе благосклонности *Ѳедора Василѣевича*. Такого рода приключенїе онъ самъ разказывалъ. Се повѣсть его:

Пробывъ гораздо за полночь въ веселой бесѣдѣ съ людьми, обыкновенно друзьями называющимися, пріѣхавъ домой работалъ онъ до пятаго часа утра, и утомившись веселїемъ и работою заснулъ крѣпко Беззаботливая юность не безпокоилась еще колючимъ тернїемъ опытности, и мечты сна

его

его столь же были исполнены веселїя, какъ и бдѣнїе. Ему снилося что лежалъ въ обѣятїяхъ прекрасныя жены, упоенный сладострастїемъ, столь державно надъ юными чувствами властвующимъ, и среди прелестныя сея мечты, отлѣтелъ сонъ отъ очей его. Но что же предстaвилось просїявшему его взору? Сто кратъ любезнѣе видѣнной имъ во снѣ, зрѣлъ онъ отроковицу почти, сѣдящую подлѣ одра его, тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его, и разпростертымъ опахаломъ умѣряющую зной солнца, проникшаго уже лучемъ своимъ въ его спальню. Лѣто было, и часъ уже десятый. Не вдругъ повѣрилъ онъ, что проснулся.

нулся. Зря его пробудившагося и устремляя взоры пламеннаго желанїя, съ улыбкою страсти и гласомъ *Спренды* „извините меня, Государь „мой, сказала просительница, что „я прервала вашъ сонъ, и лиши„ла васъ, можетъ быть, прият„ныя мечты возлюбленной.„ И проницала вѣщающая жаркимъ своимъ взоромъ всю его внутренность. Если бы я писалъ любовную повѣсть, колико обильная предлежала бы начертанїю жатва. Чувственность была въ *Ѳедорѣ Василѣевичѣ* при началѣ своего возниченїя, просительница жила въ разводѣ со старымъ мужемъ, имѣла нужду въ предстательствѣ *Ѳедора Василѣевича*, провидѣла его горячее тѣлодвиженїе,

пришла на уловленїе его и успѣла.

О если бы и мое пробужденїе могло быть иногда таково же, если бы я паки имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ! Мой другъ, жалѣй, если хочешь, о моей слабоспи: но се истинна.

Сими и симъ подобными случаями подсѣкъ *Ѳедоръ Василѣевичъ* корень своего здравїя, и не отъѣзжая еще въ Лейпцигъ почувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзнь, неизбѣжное слѣдствїе неумѣренности и злоупотребленїя тѣлесныхъ услажденїй.

Какъ со времени начатїя нашего путешествїя повѣствованїе

о *Ѳедорѣ Василѣевичѣ* сопряжено съ повѣствованїемъ объ общемъ нашемъ пребыванїи въ Лейпцигѣ: то не удивляйся, мой другъ, если оно коснется вообще положенїя, въ которомъ мы находились, и если найдешь здѣсь нѣкоторыя черты разположенїя твоихъ мыслей въ погдашнее время. Ибо забыть того не льзя, колико единомыслїе между нами царствовало.

Въ продолженїи нашего пути *Ѳедоръ Василѣевичъ* навлекъ на себя ненависть Путеводителя нашего, и самое то качество, которое ему приобрѣло нашу приверженность, самое то было причиною, что *Бокумъ* его возненавидѣлъ.

видѣлъ. Твердость мыслей и вольное оныхъ изреченїе были въ немъ противны, и съ перваго раза, когда они въ немъ явны стали, началъ путеводитель нашъ помышлять, какъ бы погубить его. Но дивиться не должно, что противорѣчїе въ подчиненномъ, справедливое хотя противорѣчїе, или лучше сказать единое напоминовенїе справедливости, произвело здѣсь со стороны сильнаго негодованїе и прещенїе. Сїе въ самодержавныхъ правленїяхъ почти повсемѣстно. Примѣръ самовластїя Государя, неимѣющаго закона на послѣдованїе, ниже въ разположенїяхъ своихъ другихъ правилъ, кромѣ своей воли или прихотей, побуждаетъ каждаго началь-

чальника мыслить, что пользуяся удѣломъ власти безпредѣльной, онъ такой же властитель частно, какъ тотъ въ общемъ. И сïе столь справедливо, что не рѣдко правиломъ приемлется, что противорѣчïе власти начальника, *а*) есть оскорбленïе верховной власти. Мысль нещастная, тысячи любящихъ Отече-

 ство

а) Съ вѣроятностïю корень сего правила о непрекословномъ повиновенïи, найти можемъ въ воинскихъ законоположенïяхъ и въ смѣшенïи гражданскихъ чиновниковъ съ военными. Большая часть у насъ начальниковъ въ гражданскомъ званïи, начали обращенïе свое въ службѣ Отечеству съ военнаго состоянïя, и привыкнувъ давать

ство гражданъ, заключающаяся въ темницу, и предающая ихъ смерти; тѣсняща я духъ и разумъ, и на мѣстѣ величїя волворяющая робость, рабство и замѣшательство, подъ личиною устройства и покоя! Да сїе иначе и быть не можетъ по сродному человѣку стремленїю къ самовластїю, и *Гельвецїево* о семъ мнѣнїе еже-

частно подтверждается.

При-

подчиненнымъ своимъ приказы, на которые возраженїя не терпитъ воинское повиновенїе, вступаютъ въ гражданскую службу, съ приобрѣтенными въ военной мыслями. Имъ кажется вездѣ строй; кричитъ въ судѣ на караулъ, и опредѣленїе не рѣдко подписываетъ палкою.

Привлекши на себя ненависть путеводителя нашего *Ѳедорѣ Василѣевичѣ* не возмутился сею мыслїю, ибо что вѣщалъ ему, то была истинна. *Бокумъ* рачилъ болѣе о своей прибыли, нежели о ввѣренныхъ ему. *Ѳедорѣ Василѣевичѣ* имѣлъ болѣе опытности, нежели другїе его сотоварищи; довольныя причины для приведенїя корыстолюбца на злобу.

Перьвой случай къ несогласїю нашему съ нашимъ путеводителемъ, и первая причина его злобствованїя противъ *Ѳедора Василѣевича* было само въ себѣ малозначущее произшествїе, но великое имѣло дѣйствїе на разположенїе наше къ начальнику

нашему. Мы всѣ воспитаны были по рускому обряду, и въ привычкѣ хотя не сладко есть, но до насыщенїя. Обыкли мы обѣдать и ужинать. Послѣ великолѣпнаго обѣда въ день нашего выѣзда ужинъ нашъ былъ гораздо тощъ, и состоялъ въ хлѣбѣ съ масломъ и старомъ мясѣ, ломтями рѣзаномъ. Таковое кушанье для Нѣмецкихъ желудковъ весьма обыкновенное, востревожило Рускїе, привыкшїе болѣе ко штямъ и пирогамъ. И если захочешь безъ предубѣжденїя внять винѣ нашего неудовольствїя, къ нещастїю нашему потомъ обратившагося, то найдешь корень онаго въ первомъ нашемъ ужинѣ. Покажется иному смѣшно, иному низко, иному

иному нелѣпо, что благовоспитанные юноши могли начальника своего возненавидѣть за таковую малость: но самаго умѣреннѣйшаго человѣка заставь поговѣть недѣлю, то нетерпѣніе въ немъ скоро будетъ примѣтно. Если сладость наскучить можетъ, кольми паче голодъ. Худая по большой части пища и великая неопрятность въ приуготовленіи онаго произвели въ насъ справедливое негодованіе. *Ѳедоръ Василѣевичъ* взялся изъявить оное предъ нашимъ начальникомъ. Умѣренное его представленіе принято почти съ презрѣніемъ, а особливо женою *Бокума*, которую можно было почитать истиннымъ нашимъ Гофмейстеромъ. Сіе про-

извело еловопрѣнїе, и кончилось тѣмъ, что *Ѳедоръ Василѣевичъ* возненавиженъ сталъ обоими супругами.

Но не зналъ нашъ Путеводитель, что худо всегда отвергать справедливое подчиненныхъ требованїе, и что вышшая власть сокрушалася иногда, отъ безвременной упругости и безразсудной строгости.

Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованїяхъ, и отъ повторяемыхъ оскорбленїй стали наконецъ презирать его власть. Если бы желанїе ученїя не останавляло насъ въ поступкахъ нашихъ,

и

и не умѣряло нашего негодованїя, то *Бокумъ* на дорогѣ бы испыталъ колико безразсудно, даже дѣтей, доводить до крайности. Во всѣхъ сихъ зыбленїяхъ боязни и отваги, младшїе предводительствуемы были старшими. Изъ сихъ первый былъ *Ѳедоръ Василевичъ*: но если его кто почтетъ или сварливымъ, или злобнымъ, или пронырливымъ, или коварнымъ, или вспыльчивымъ, тотъ конечно ошибется. Единое негодованїе на неправду бунтовало въ его душѣ, и зыбь свою сообщало нашимъ, немощнымъ еще тогда самимъ собою воздыматься на опроверженїе неправды. Таковыми произшествїями уготовлялися мы къ одной изъ зна-

менитѣйшихъ по моему мнѣнію эпохъ нашея жизни. Я говорю о содержаніи нашемъ въ Лейпцигѣ подъ стражею.

Ничто, сказываютъ, толико не сопрягаетъ людей, какъ нещастіе. Сія истинна подкрѣпляется и нашимъ примѣромъ. Худые съ нами поступки нашего Гофмейстера толико насъ сдѣлали единомысленными, что изключая нѣкоторыхъ изъ насъ, могли бы мы по истиннѣ одинъ за другаго жертвовать всемъ на Свѣтѣ. Да сіе иначе быть не можетъ; ибо дружба въ юномъ сердцѣ есть, какъ и всѣ онаго чувствованія, стремительна. Краткое пребываніе наше въ Митавѣ, возрѣніе неизвѣстныхъ намъ доселѣ нравовъ, обря-

обрядовъ, языка, загладило въ душѣ *Ѳедора Василѣевича* угрызенїе печали. Ежедневныя оскорбленїя начинали было производить въ немъ раскаянїе о предпріятомъ путешествїи, но новые предмѣты отвлекли душу его отъ горестныхъ мыслей, и содѣлали ее на нѣкоторое время къ оскорбленїямъ безчувственною. Но если новые предмѣты удобны были заглодить въ душѣ *Ѳедора Василѣевича* изрытїе печали; то не имѣлъ онъ однако же довольно опытности, такъ сказать, въ ученїи, дабы изъ путешествїя своего извлечь всю возможную пользу. Примѣчанїя достойно: человѣкъ достигнувъ возмужалыхъ лѣтъ, когда начинаетъ испытывать си-

лы разума, устремляемый бодростїю душевныхъ силъ, обращаетъ проницательность свою всегда на вещи внѣ зримой округи лежащїя, возносится на крылїяхъ воображенїя за предѣлы естественности, и не рѣдко теряется въ неосязаемомъ, презирая чувственность, столь моцно его вожделающую. Всѣ почти юноши мыслить начинающїе любятъ метафизику; съ другой же стороны всѣ чувствовать начинающїе придерживаются правилъ, народнымъ правленїямъ приличнымъ. И такъ *Федоръ Василевичъ* мысли свои обращалъ болѣе къ умственнымъ предмѣтамъ, и не зналъ еще какую полезность извлечь можно изъ путешествїя.

Между

Между людьми получившими воспитанїе разнаго рода, поняпїи о священныхъ вещахъ долженствовали быть, и были разныя. Если бы возможно было опредѣлить, какое каждой изъ насъ имѣлъ тогда понятїе о Богѣ и о должномъ ему почитанїи, то бы описанїе сїе показалося взятымъ изъ какого либо путешествїя, въ коемъ описывается исповѣданїе вѣры неизвѣстныхъ народовъ. Иной почиталъ Бога не иначе какъ палача, орудїемъ кары вооруженнаго и боялся думать о немъ, столь застращенъ былъ силою его прещенїя. Другому казался онъ вскруженнымъ толпою младенцевъ, азбучной учитель, котораго дразнить ни во что вмѣняется,

ибо

ибо уловкою какою нибудь, можно избѣгнуть его розги, и скоро сЪ нимЪ опять поладитЪ. Иной думалЪ, что не токмо дразнить его можно, но дѣлать все ему на смѣхЪ и во преки его велѣнїямЪ. Всѣ мы однако же воспитаны были вЪ греческомЪ исповѣданїи, и для сохраненїя насЪ вЪ православїи, отправленЪ сЪ нами былЪ монахЪ, которому вЪ должность предписано было, наставлять насЪ вЪ Христїанскомъ законѣ, отправлять для насЪ службу Церьковную и быть нашимЪ Духовникомъ.

Отецъ *Павелъ* былЪ вЪ своемЪ родѣ человѣкЪ полуученой, зналЪ по Латынѣ, по Гречески и нѣсколько по Еврейски. Въ семина-

минарїи прошелъ всѣ нижнїе и вышнїе Филосовскїе и Богословскїе классы, и былъ учителемъ Риторики. Но если ему извѣстны были правила краснорѣчїя, древними Авторами преподданнаго, если зналъ онъ что есть Метафора, Антитезисъ и прочїя риторическїя фигуры, то никто столь мало не былъ краснорѣчивъ, какъ нашъ отецъ *Павелъ*. Добролушїе было первое въ немъ качество, другими же онъ не отличился, и болѣе способствовалъ къ возродившемуся въ насъ въ то время непочтенїю къ священнымъ вещамъ, нежели удобенъ былъ дать наставленїе въ священномъ Законѣ. Судить можно изъ слѣдующаго.

Испра-

Исправленїе наше, (ибо при первомъ нашемъ свиданїи онъ почелъ насъ богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни одинъ изъ насъ въ то время ниже повѣсти не читывалъ о Аѳеистахъ); исправленїе наше началъ онъ тѣмъ, что заставилъ насъ при утреннихъ и вечернихъ на молитвѣ собранїяхъ, пѣть. Если воспомнишь, мой другъ, сколь нестройнной, несогласной и шумной у насъ былъ всегда концертъ, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянулъ очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чрезъ чуръ кудряво, и наконецъ устроенное на приученїе ко благоговѣнїю, превратилося по степенно въ шутку и посмѣялище.

Отецъ

Отецъ *Павелъ*, если припомнишь, гораздо былъ смѣшливъ, и если случалося ему во время Богослуженїя видѣть что либо смѣшное, то забывъ важность своего дѣйствїя, начиналъ смѣяться, какъ то случилося ему въ Лейпцигѣ, увидѣвъ одного изъ насъ, а именно *К. Г.* поющаго на крылосѣ искрививъ лице для высокаго напѣва. Для сей то причины онъ отправлялъ Богослуженїе, большею частїю зажмурившись.

Въ Ригѣ на молитвѣ случилось весьма смѣшное произшествїе. Отецъ *Павелъ* опасаясь увидѣть что либо предъ глазами, могущее подвигнуть его на смѣхъ, зажмурился начиная пѣнїе. Симъ

М.

М. У. человѣкъ шутливой и проказливой захотѣлъ воспользоваться, дабы разсмѣшить нашего отца *Павла*.

Икона, предъ коей совершался нашъ молитвенный напѣвъ, стояла въ верху довольно пространаго стола, на которомъ раскладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Предъ столомъ стоялъ отецъ *Павелъ* зажмурившись. *М. У.* взявъ легонько одну изъ перчатокъ на столѣ лежавшихъ, и согнувъ персты ея образомъ смѣшнаго кукиша, положилъ оную возвышенно прямо предъ поющаго нашего Духовника. При дѣланіи поясныхъ поклоновъ, растворилъ зажмурив-

мурившїйся глаза свои, и первое представилася ему сложенная перчатка. Не могъ онъ воздержаться, захохоталъ громко, и мы всѣ за нимъ.

Отецъ *Павелъ*, не привыкнувъ еще къ нашимъ проказамъ, обрѣталъ въ нихъ болѣе, нежели простыя и юношескїя шутки. Оборотясь, наименовалъ онъ насъ богоотступниками, непотребными, и другими въ приложенїи юношества смѣшными названїями; сдѣлавшаго же вину смѣха называлъ, неграмматикально можетъ быть, мошенникомъ, да и того хуже. При первыхъ уже словахъ *М. У.* будучи весьма вспыльчивъ, восколебал-

лебался, и столь же смѣшнымъ дѣяніемъ, какъ сей неприличными словами, представили намъ позорище, какого ни на какомъ Θеатрѣ за рубль купить не можно. *М. У.* схвативъ висящую на стѣнѣ шпагу, и привѣсивъ ее къ бедрѣ своей, бодро приступилъ къ чернецу; показывая ему ефесъ съ темлякомъ, говорилъ ему не много заикаясь отъ природы, *забылъ развѣ батюшка, что я кирасирской Офицеръ.* Въ такомъ вкусѣ было продолженіе сего дѣйствія, которое для насъ кончилось смѣхомъ, для *М. У.* мнимою побѣдою, а для отца *Павла* отъитіемъ съ негодованіемъ въ свою комнату.

Сіе

Сїе и подобныя сему произшествїя умалили въ насъ почтенїе къ духовной надъ нами власти, такъ какъ шутки надъ нашимъ Гофмейстеромъ нѣкотораго проѣзжавшаго Россїйскаго гвардїи Офицера, о чемъ я скажу послѣ, возбудили къ нему въ насъ совершенное пренебреженїе.

Еще о краснорѣчїи отца *Павла*: слѣдуя, не вѣдаю, данному предписанїю, или по собственному своему побужденїю, онъ каждое Воскресенїе по совершенїи литургїи становился предъ царскими дверьми за налоемъ, и преподавалъ намъ толкованїе о чтенномъ того дня Евангелїи. Въ слѣдствїе сего обряда въ нѣкакой праздникъ, во Благовѣщенїе, если

хоро-

хорошо помню, онъ объяснить намъ старался, что въ священномъ писанїи разумѣется подъ Ангеломъ Божїимъ. „Ангелъ есть слу„га Господень, котораго онъ по„сылалъ для посылокъ; онъ то„же, что у Государя курьеръ „какъ то Г. *Гуляевъ*.„ Тогда былъ въ Лейпцигѣ пріѣхавшїй изъ Петербурга, съ нѣкоторыми приказанїями курьеръ кабинета, и былъ съ нами присутственъ на литургїи. При изреченїи сего забыли мы должное къ церькви благоговѣнїе, забыли Ангела, видѣли дѣйствительнаго курїера, и всѣ захохотали громко. Отецъ *Павелъ* засмѣялся за нами въ слѣдъ, зажмурилъ глаза, потомъ заплакалъ, и сказалъ, Аминь.

Прї-

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, забылъ *Ѳедоръ Василѣевичъ* всѣ обиды и притѣсненїи своего начальника, и вдался ученїю съ наивеличайшимъ рвенїемъ, но какъ не окоренѣлъ еще въ трудолюбїи сего рода, то на время отъ онаго отвлеченъ былъ случившимся съ нами непріятнымъ произшествїемъ, которое для всѣхъ насъ было дѣятельною наукою нравственности во многихъ отношенїяхъ.

Если инные въ повѣствованїи семъ найдутъ что либо пристрастное, не буду тронутъ тѣмъ, вѣдая что они ошибаются; но ты, мой другъ, будучи содѣйствователь всего обрящешь въ немъ истинну.

В Имѣя

Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги забылъ Гофмейстеръ нашъ умѣренность, и подобно правителямъ народовъ возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть ему данная надъ нами и опредѣленныя деньги, не на нашу были пользу, но на его. Власть свою хотѣлъ онъ употребить на приведенїе насъ къ молчанїю о его поступкахъ. Человѣкъ много можетъ сносить непріятностей, удрученїй и оскорбленїй. Доказательствомъ сему служатъ всѣ единоначальства. Гладъ, жажда, скорбь, темница, узы, и самая смерть мало его трогаютъ. Не доводи его покмо до крайности. Но сего то притѣснители частные и общїе, по щастїю человѣче-

вѣчества не разумѣютъ, и простирая повсемѣстную тяготу, предѣлъ оныя, на коемъ отчаянїе бодрственную возноситъ главу, зрятъ всегда въ отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человѣка мглою. Не вѣдаютъ мучители, и даждь Господи, да въ невѣденїи своемъ пребудутъ ослѣпленны навсегда, не вѣдаютъ, что составляющее несносную печаль сему, другому не причиняетъ ниже единаго скорбнаго мгновенїя, да и въ оборотъ то, что въ одномъ сердцѣ ни малѣйшаго не произведетъ содроганїя, во стѣ другихъ родитъ отчаянїе и изступленїе. Пребуди благое невѣденїе всецѣло, пребуди неру-

нимо до скончанїя вѣка, въ тебѣ почила сохранность страждущаго общества. Да не дерзнетъ никто совлещи покровъ сей съ очей власти, да изчезнетъ помышляяй о семъ, и умретъ въ семени до рожденїя своего.

Первое, чѣмъ *Бокумъ* по пріѣздѣ въ Лейпцигъ началъ правленїе свое, было сокращенїе издержекъ относительно насъ, елико то возможно было. Но не воображай, что бы домостроительство было тому причиною; что онъ отчислялъ отъ нашего содержанїя, то удвоялъ во своемъ, и принужденъ былъ лишать насъ даже нужнѣйшихъ вещей на содержанїе наше. О семъ тѣ, кои

изъ

изъ насъ были постарѣе, и въ числѣ оныхъ первой былъ *Ѳедоръ Василѣевитъ*, дѣлали ему весьма кроткія представленія гораздо кротче, нежели когда либо Парижскій Парламентъ дѣлывалъ Французскому Королю. Но какъ таковыя представленія были частныя, какъ то бываютъ и парламентскія, а не отъ всѣхъ, то *Бокумъ* отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и Король Французской, говоря своему народу „въ томъ состоитъ наше „удовольствіе.„

Наскучивъ представленіями *Бокумъ* захотѣлъ ихъ пресѣчь вдругъ, показавъ пространство своей власти. Придравшись къ

маловажному проступку *К. Г.* онъ посадилъ его подъ стражу, отлучивъ его отъ обхожденія съ нами, и приставилъ у дверей комнаты, въ которую онъ былъ посаженъ, часоваго съ полнымъ оружіемъ, выпросивъ нарочно для того трехъ человѣкъ солдатъ. Не довольствуяся таковымъ наглымъ поступкомъ, онъ грозилъ посажденному подъ стражу, и намъ за нимъ, если не уймемся, по по данной ему власти онъ будетъ насъ наказывать фуктелемъ, какъ то называютъ, или ударами обнаженнаго тесака по спинѣ. Сіе произвело въ насъ противное дѣйствіе тому, которое онъ ожидалъ. Вѣдали мы, что власти таковой ему дано не было, и вся-

всякому извѣстно было, что мягкосердїе начинало въ Россїи писать законы, оставя всѣ извѣшы люпости прежнихъ, хотя по истиннѣ душесильныхъ временъ. Негодованїе въ насъ возросло до изтупленїя; но мы не забыли еще умѣренности, и хотя скопомъ и заговоромъ, но для ребятъ довольно правильно и благопристойно, пришли всѣ просить его объ отпущенїи вины *К. Т.* и объ освобожденїи его изъ подъ стражи. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться кроткимъ разположенїемъ душъ нашихъ, и привлечь къ себѣ нашу признательность отпущенїемъ вины соповарища нашего въ уваженїе нашея прозьбы, онъ ее нагло отвергнулъ и

выслалъ насъ съ презрѣнїемъ. Сїе уязвило сердца наши глубоко, и мы не столько помышлять начали о нашемъ ученїи, какъ о способахъ освободиться отъ толико несноснаго ига.

Подобно акъ въ обществахъ, гдѣ удрученїе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнїя и возникаетъ отчаянїе, такъ и въ нашемъ обществѣ начиналися сходбища, частыя совѣтованїя, предприятїи, и все что при заговорахъ бываетъ, взаимныя о вспомоществованїи обѣщанїя, неумѣренность въ изреченїяхъ; тутъ отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомыслїе протекло всѣхъ души, и отчаянїе ждало на воспаленїе случая.

Бо-

Бокумъ онаго не удалялъ. Причина нашего неудовольствїя была недостатокъ иногда въ нужныхъ для нашего содержанїя вещахъ, то есть въ пищѣ, одеждѣ и протчемъ. Вторая, зима по пріѣздѣ нашемъ въ Лейпцигъ была жесточе обыкновенныхъ, и съ худыми предосторожностями холодъ чувствительнѣе для насъ былъ, нежели въ самой Россїи при тридцати градусахъ стужи.

Домостроительство *Бокума* простиралось и на дрова, и мы болѣе въ семъ случаѣ терпѣли недостатка, нежели въ чемъ другомъ. Хотя запрещено было, какъ то намъ сказывали, присылать къ намъ деньги изъ домовъ

нашихъ, но мы неизвѣстны будучи о семъ запрещенїи и охотны, особливо на случай нужды преступить сїе повелѣнїе, имѣли при отъѣздѣ нашемъ изъ Россїи по нѣскольку собственныхъ денегъ. Кто ихъ имѣлъ, не только удовлетворялъ необходимымъ своимъ нуждамъ, но снабжалъ и товарищей своихъ. Словомъ во все продолженїе нашего пребыванїя, кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ то на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученїе, на покупку книгъ, не утаю и того, что деньги нами изъ домовъ получаемыя послужили къ нашему въ любострастїи невоздержанїю, но не онѣ къ

возрож-

возрожденїю онаго въ насъ были причиною или случаямъ. Нерадѣнїе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣнїе были онаго корень, какъ то оно есть и вездѣ, въ чѣмъ всякой человѣкъ безъ предубѣжденїя признается.

Одинъ изъ нашего общества, *Н.* не получалъ изъ дому своего ни копѣйки, и для того претерпѣвалъ болѣе другихъ нужду. Въ помянутую зиму не въ силахъ болѣе терпѣть холода ради болѣзненнаго разположенїя тѣла, рѣшился сдѣлать Гофмейстеру представленїе. *Бокума* онъ нашелъ играющаго на билїардѣ съ

нѣкоимъ изъ его единоземцовъ и главнымъ подстрекателемъ *b*) его налмѣнности. *И.* объявилъ ему о своемъ недостаткѣ, прося дать приказанїе изтопить его горницу. За день сего *Бокумъ* посадилъ подъ стражу *К. Г.* ко-

торой

b) Сказывали, что сей молодецъ за деньги доставъ себѣ званїе министра при какомъ то дворѣ, должность свою отправлялъ съ похвалою. Сїе оправдаетъ мнѣнїе тѣхъ, кои думаютъ, чтобъ быть употреблену съ похвалою въ дѣлахъ министерскихъ надобенъ умъ, а честности мало. Коварство, пронырство искуство выситься и низиться по обстоятельствамъ могутъ сдѣлать отличнаго министра, но добраго гражданина николи. --

торой былъ комнатной товарищъ *И.* На отказъ сдѣланной *Бокумомъ И.* сдѣлалъ возраженїе, а *Бокумъ* не хотя онаго слушать, а особливо при напоминателѣ о его власти, оставивъ свою игру, началъ пришедшаго толкать неучтиво; а какъ сей тому противился и къ нему обернувшись говорилъ, что требованїе его о семъ справедливо, то *Бокумъ* и паче того раздраженный ударилъ *И.* по щекѣ. Сей мнимый отъ части знакъ безчестїя столь сильно обезоружилъ *И*, что онъ не сказавъ болѣе начальнику нашему ни слова, поклонился и вышелъ вонъ.

Отрада нещастному есть убѣжище на лонѣ дружбы, бесѣдо-

 ванїе

ванїе о скорби своей. И возвѣстилъ намъ обиженный о произшедшемъ съ нимъ. Презрѣнїе къ начальнику нашему было перьвое душъ нашихъ движенїе: но скоро къ тому присовокупилось и негодованїе. Всякъ боялся такой же участи; иной мечталъ уже слѣдствїе своего отчаянїя въ такомъ случаѣ, другой изумленный предваритєльно таковою мыслїю находился въ нерѣшимости, что должно будетъ ему сдѣлать, если на него падетъ жребїй равный съ *И.* Но всѣ единогласно положили, что *Бокумъ* сдѣлавъ поступокъ противный не только добрымъ нравамъ, но и благопристойности, долженствовалъ сдѣлать *И.* удовлетвореніе за обиду.

Въ

Въ общежитіи, говорилъ намъ *Ѳедоръ Василевичъ*, если таковой случай произойдетъ, то оной не иначе заглаженъ быть можетъ какъ кровію. Сіе говорилъ онъ изъ опытовъ, и подкрѣплялъ примѣрами: но ни онъ, ни мы не понимали еще всей гнусности поединковъ въ благоучрежденномъ обществѣ, и вождаемые примѣрами судили, что настоялъ бы и теперь къ оному случай, если бы дѣло должно было имѣть съ посторонникъ человѣкомъ, а не съ начальникомъ нашимъ.

Мы въ то время начали только слушать преподаванїи права естественнаго, и не объявъ еще всю онаго связь, остановились при первыхъ движенїяхъ произволи-

мыхъ

мыхъ въ человѣкѣ оскорбленїемъ. Не имѣя въ шествїи своемъ ни малѣйшїя преграды, человѣкъ въ естественномъ положенїи при совершенїи оскорбленїя, влекомый чувствованїемъ сохранности своей пробуждается на отраженїе оскорбленїя. Отъ сего раждается мщенїе, или древнїй законъ, *око за око;* законъ ощущаемый человѣкомъ всечасно, но загражденный и умѣряемый закономъ гражданскимъ. Несовершенное еще разположенїе мыслей представилo уму нашему въ естественномъ насъ положенїи, въ отношенїи нашего начальника, и мы заключили что *Н.* долженствовалъ возвратить *Бокулу* полученную имъ пощечину.

Заклю-

Заключительной и общїй нашъ приговоръ былъ таковъ, что *Н.* долженъ итти къ *Боклу* и въ присутствїи нашемъ требовать отъ него въ обидѣ своей удовлетворенїя. Если же онъ не восхочетъ того исполнить, то надлежитъ ему пощечину *Боклу* возвратить. Долго *Н.* размышлялъ, колебался, не могъ рѣшиться на сей поступокъ: но мы приговоръ нашъ подкрѣпили тѣмъ, что если онъ сего не исполнитъ, то лишенъ будетъ нашея приязни и обхожденїя съ нами. Ни что столь сильнаго и столь скораго не могло произвести дѣйствїя въ душѣ оскорбленной *Н.* какъ наша угроза. Если бы приговоръ нашъ былъ въ противную сторону, то онъ,

да и всякой изъ насъ, и кто бы то ни было, въ равномъ токмо съ нами положенїи, терпѣливо бы принялъ еще десять пощечинъ, нежели бы захотѣлъ притти въ презрѣнїе у своихъ сотоварищей.

Собравшися и условившись какимъ образомъ долженствовалъ *Я.* требовать отъ *Бокума* удовольствїя въ обидѣ ему сдѣланной, мы пошли къ нему изключая *К. Т.* которой сидѣлъ подъ стражею.

Въ комнатѣ, гдѣ бывала обыкновенная наша трапеза, дожидались мы его, пославъ его извѣстить, что мы желаемъ его видѣть. Едва онъ вошелъ въ комнату,

нашу, какъ началося дѣйствїе, которое при перьвомъ шагѣ нашего житїя могло бы превратнымъ жребїемъ ввергнуть насъ въ совершенную гибель. Столь юность безъ совѣтовъ дружества сама себѣ губительна! но провидѣнїе бдѣло надъ нами, ибо превратности въ сердцѣ нашемъ не зрѣло; и для того щитъ его носится всегда надъ неопытностїю и блюдетъ ее въ самой пропасти.

Въ слѣдствїе сдѣланнаго между нами положенїя *Н.* подступивъ къ *Бокуму* просилъ отъ него удовлетворенїя въ обидѣ. Пріятнѣе можетъ быть будетъ читателю, пріятнѣе тебѣ, мой любезной другъ, если я употреб-

лю

лю здѣсь самыя почти тѣ слова, которыя въ то время были изречены; онѣ были кратки, какъ и дѣйствїе было мгновенно;

Н. Вы меня обидѣли, и теперь пришелъ я требовать отъ васъ удовольствїя.

Б. За какую обиду и какое удовольствїе?

Н. Вы мнѣ дали пощечину.

Б. Не правда, извольте итти вонъ.

Н. А если не такъ, то вотъ она, и другая.

Сїе говоря ударилъ *Н. Бокума* и повторилъ ударъ. Опасаясь дальнѣйшаго слѣдствїя *Бокумъ* вышелъ изъ горницы.

Писарь

Писарь *Бокулевъ* бывшій тогда съ нимъ, вообразивъ себѣ, что *М.* хочетъ Господина его заколоть, ибо имѣлъ при себѣ шпагу, оторвалъ у него ее съ бедры, за что онъ былъ наказанъ только тѣмъ, что *М. У.* снялъ съ него парикъ. Но причина, для коей *М.* имѣлъ при себѣ шпагу была иная; онъ былъ въ гостяхъ и пришедъ не имѣлъ времени раздѣться, и на сраженіе пришелъ со шляпою и шпагою; но *Бокулъ* въ обвиненіи своемъ не пропустилъ сего обстоятельства, и сказалъ, что мы, а паче *М.* покушались на его жизнь, и сей вынулъ уже шпагу изъ ноженъ до половины, но онъ насъ какъ ребятъ разогналъ и разкидалъ. И такъ въ самой клевете

тѣ

тѣ не забывалъ онъ хвастовства, и никогда не признался, что *Я.* ему возвратилъ пощечину съ лихвою.

Но если бы вздумали разполагать великость вины по оружїю, которое кто имѣлъ, то никого не надлежало обвинить болѣе другихъ, какъ меня. Ибо у меня были въ то время карманные пистолеты, заряженные съ дробью, которые я купивъ за день предъ симъ произшествїемъ зарядилъ, и хотѣлъ итти испытать оныхъ дѣйствїе въ опредѣленномъ къ тому мѣстѣ, но по щастїю меня тогда не обыскали. Изъ сего глупыя юности произшествїя могло бы произойти,

изойти, признаюся охотно, что либо слезное и несмѣшное, если бы *Бокулъ* имѣлъ кого либо при себѣ опричь стараго своего писаря; и если бы вождаемъ мыслїю, что мы умышляли убить его сталъ бы на насъ наступать. Въ жару изступленїя чего не могло бы случиться, но къ щастїю *М. У.* двери заперъ, и на крикъ стараго писаря никто войти не могъ.

По совершенїи нашего приступа, мы почитая его правильнымъ поступкомъ, заявили о немъ Университетскому Ректору. Возвратяся отъ него души наши покойны не были. Мы чувствовали нашъ проступокъ, но чувство-

вали

вали и тягость нашего положенія, и на вѣсахъ правосудія мы осуждены бы быть не могли. Но всякой судія есть человѣкъ, не рѣдко вождается внѣшностію.

Я нынѣ еще трепещу воспоминая о намѣреніи нашемъ при семъ произшествіи. Мы разсуждали, что нашъ поступокъ конечно не одобрятъ, что *Бокумъ* разцвѣтитъ его тусклыми красками клеветы, что если посадилъ подъ стражу за маловажный проступокъ, можетъ сдѣлать надъ нами еще болѣе, и мы возвращены будемъ въ Россію для наказанія, а болѣе того на посмѣяніе; и для того многіе изъ насъ намѣреніе положили оставить тайно

но Лейпцигъ, пробраться въ Голландїю или Англїю, а оттуда сыскавъ случай ѣхать въ Остъ-Индїю или Америку. Таковы могли быть слѣдствїя безразсудной строгости начальника и неопытной юности. Но *Бокумъ* предварилъ умышляемому нами побѣгу, и не прошло получаса какъ онъ испросивъ отъ тамошняго военнаго начальника солдатъ вооруженныхъ, посадилъ насъ подъ стражу, каждаго въ своей комнатѣ.

Въ семъ тягчительномъ для насъ положенїи мы прибѣгнули къ Россїйскому въ Дрезденѣ Министру, описавъ ему случившееся во всей подробности: но письмо наше до него не дошло, какъ то

Г мы

мы послѣ того узнали, ибо *Бокумъ* тамошнему правительству сказалъ ложно, что ему велѣно было всѣ наши письма останавливать, и не прежде отправлять въ Россїю, какъ онъ увѣдомленъ будетъ о ихъ содержанїи. Такимъ образомъ ни Министръ нашего двора въ Дрезденѣ, ни въ Петербургѣ не могли быть извѣстны о истинномъ нашемъ положенїи, сколько мы о томъ ни писали. Когда же нашелся человѣкъ насъ довольно любящїй, изъ сожалѣнїя единственно и на своемъ иждивенїи отправившейся въ Россїю для извѣщенїя кого должно о произшедшемъ съ нами, то о всемъ было отъ Министра нашего по представленїямъ *Бокума* пред-

предварено и жалобѣ нашей не внято.

Но я могу тебѣ наскучить, мой любезной другъ, расказывая о томъ, что тебѣ столь же извѣстно, какъ мнѣ; и для того заключу повѣствованїе о семъ неприятномъ тогда для насъ произшествїи, но по испиннѣ сказать, преподавшемъ намъ много нравоученїя дѣятельно. Намѣренїе мое было показать только то, сколь много ошибаются начальники въ употребленїи своей власти, и коликой вредъ причиняютъ безвременною и безразсудною строгостїю. Если бы мы исполнили наше намѣренїе и ушли бы изъ Лейпцига, вообрази ко-

лико горести навлекли бы мы нашимъ родителямъ, друзьямъ, да и всѣмъ сердцамъ юность возлюбляющимъ. Если бы Государство изгнаніемъ добровольнымъ десяти гражданъ ничего казалося не потеряло, но отечество потеряло бы конечно искренно любящихъ его сыновъ. Буде кто захочетъ на сіе доказательства, то не дамъ никакого; но тебѣ только, мой другъ, воспомяну о возвращеніи нашемъ въ Россію. Воспомни нетерпѣніе наше видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли мѣжу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто безстрастный ничего инаго въ восторгѣ не видитъ,

дитъ, какъ неумѣренность, или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги; но если кто понимая, что есть изступленїе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнїю для пользы отечества; тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго. Признаюсь, и ты мой любезный другъ въ томъ же признаешься, что послѣдовавшее по возвращенїи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы управляющїе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратко-видцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, упушая закваску воздымающїй серд-

це юности. Единожды смиривъ его не рѣдко на вѣки содѣлаетъ калѣкою.

Подъ стражею содержимы были мы какъ государственные преступники или отчаянные убїйцы. Не токмо отобраны были у насъ шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили намъ кушанье, то оно было нарѣзано кусками, ибо не было при ономъ ни ножей, ни вилокъ. Окончины были заколочены, оставлено токмо одно малое отверзстїе на возобновленїе воздуха, часовой сидѣлъ у насъ въ передспальной комнатѣ, и могъ видѣть насъ лежащихъ на постелѣ, ибо дверь въ спальную нашу была вынута.

Не взирая на всѣ предосторожности, чтобы возпретить намъ между собою сообщенїе, и что бы мы не могли извѣстить Министра нашего о нашемъ положенїи, ибо сїе и была причина строгаго нашего содержанїя подъ стражею, мы написали письмо и подписали его всѣ своеручно. Ни кого къ намъ не допускали, сидѣли мы по двое вмѣстѣ, и потому странно покажется, что всѣ могли подписать письмо. Способъ мы къ тому употребили особой, и да знаютъ удручители, что не рѣдко строгость ихъ бываетъ осмѣяна въ самомъ томъ, въ чѣмъ они усугубляютъ оную.

Домъ, въ которомъ мы жительствовали былъ въ два жилья

и имѣлъ четыре отдѣленїя въ верьху, и четыре въ низу, въ каждомъ отдѣленїи было по двѣ комнаты, и мы жили по двое вмѣстѣ. Шестеро изъ насъ жили въ верху и четверо въ низу, прочїя комнаты занимали учители наши. Письмо написано было *Федоромъ Василѣевичемъ*. Привязавъ его на длинную нитку выпускали его за окно; способной вѣтръ приносилъ его къ отверстїю другаго окна, въ которое оно было приемлемо, и по подписанїи тѣмъ же способомъ доставляли его въ другую комнату; такимъ образомъ мы умѣли на пользу нашу употребить самыя сїлы естества. На почту относимы письма наши были однимъ изъ

изъ нашихъ учителей, который изъ единаго человѣколюбїя жертвовалъ всемъ своимъ тогдашнимъ щастїемъ, и отправился въ Россїю для нашего защищенїя, взявъ отъ насъ на дорогу одни карманные часы, въ чѣмъ состояло все тогдашнее наше богатство: но въ предприятїи своемъ не успѣлъ, какъ то я сказалъ уже прежде. Великодушный мужъ! никто изъ насъ не могъ тебѣ за то воздать достойно, но ты живешь и пребудешь всегда въ нашихъ сердцахъ.

Не довольствуяся тѣмъ что посадилъ насъ подъ стражу, *Бокумъ* испросилъ отъ совѣта Университетскаго чтобы надъ нами произвели судъ. Къ допросамъ возили насъ скрытнымъ образомъ и су-

допроизводство было похоже на то, какое бывало въ инквизиціяхъ, или въ тайной Канцеляріи, изключая тѣлесныя наказанія. Рѣшеніе сего суда было, что ты и я, *Я. . .* и *Р. . .* были освобождены, а прочіе, между которыми былъ *Ѳедоръ Василѣевичъ*, остались еще подъ стражею, но скоро были освобождены по повелѣнію нашего Министра. Конецъ сему полусмѣшному и полуплачевному дѣлу былъ тотъ, что Министръ пріѣхавъ въ Лейпцигъ насъ съ *Бокумолъ* помирилъ, и съ того времени жили мы съ нимъ почти какъ ему неподвластные; онъ рачилъ о своемъ карманѣ, а мы жили на волѣ, и не видали его мѣсяца по два.

Слу-

Случилося во время нашего пребыванїя въ Лейпцигѣ проѣзжать чрезъ оной Генералъ Поручику и бывшему потомъ Сенаторомъ *И. Е. М.* съ супругою своею. Сотовариществовалъ ему въ путешествїи шуринъ его Гвардїи Офицеръ, человѣкъ молодой любящїй шутку безвредную, и охотно смѣялся на щетъ глупцовъ. Совершенно таковаго нашелъ онъ въ нашемъ Гофмейстерѣ. Онъ пользуясь пристрастїемъ его къ хвастовству вывелъ его по пословицѣ на свѣжую воду. До того времени не вѣдали мы, что Гофмейстеръ нашъ за похвалу себѣ вмѣнялъ прослыть богатыремъ, и если ему не было случая на подвиги съ *Бового* рав-

ныя, то были удальства другаго рода, достойныя помѣщенїя въ *Донъ Кишотовыхъ* странствованїяхъ.

Помянутой Гвардїи Офицеръ, подстрекая самолюбїе *Бокума*, довелъ его до того, что онъ для доказательства своихъ тѣлесныхъ силъ выпивалъ по его приказанїямъ однимъ разомъ по нѣскольку бутылокъ воды или пива, давалъ себя толкать многимъ лакеямъ вдругъ, упираяся противъ ихъ усилїя совлещи его съ мѣста, а симъ приказано было не жалѣть своихъ толчковъ, дивяся о своемъ противъ его малосилїи: но сего не довольно было. Онъ его заставилъ ворочать всякїя тяжести, подымать стулья, столы,

платя

платя ему за то не умѣряя и не скрывая своего смѣха: *Ну Бокулѣ!*

Примѣчанїя достойно, до коликой степени слабость сїя въ человѣкѣ возрасти можетъ, и не рѣдко она въ общежитїи бываетъ разными нечаянными случаями поддерживаема и возвышаема. *Бокулѣ* доведенъ былъ до того, что согласился вытерпливать удары довольно сильнаго Електрическаго орудїя. Сперьва удары Електрической силы были умѣренны, и дабы его убѣдить самаго въ превосходствѣ его силъ, удары производимы были надъ многими вдругъ. Всѣ по предварительному условїю, будто отъ

жестокости удара падали на землю, онъ одинъ оставался непоколебимъ, торжествуя въ явь надъ падающими. Увѣривъ такимъ образомъ его самого въ превосходствѣ его силъ, удары Електрическаго орудія становилися сильнѣе, онъ выдерживалъ ихъ не показывая сколь они для него были болѣзненны; сила ударовъ столь наконецъ была велика, что едва его съ ногъ не сшибала.

Таковые подвиги производилися ежелневно во все время пребыванія сказанныхъ путешественниковъ въ Лейпцигѣ. Мы были непрестанные оныхъ зрители, и презрѣніе наше къ *Боку му* съ того времени спало совершенное.

Отпра-

Отправленїе Россїйскихъ морскихъ силъ въ Архипелагъ, въ послѣднюю войну между Россїею и Турецїею, доставило намъ въ Лейпцигѣ случай видѣть многихъ нашихъ соотчичей, проѣзжавшихъ изъ Россїи въ Италїю, и оттуда въ Россїю. Нѣкто, (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его краски стыда, или блѣдности раскаянїя), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженїе къ *Ѳедору Василѣевичу*, и снискать хотѣлъ его дружбу. Послѣдствїе показало, сколь мало она была искренна и продолжалася не болѣе какъ пребываніе въ Лейпцигѣ сего мечтаннаго покровителя учености. Ни одного дня не проходило, скажу

охотно,

охотно, ни одного почти часа во дни, чтобъ *Ѳедоръ Василѣевичъ* не былъ съ *Ѳ. . .* вмѣстѣ упражняяся съ нимъ въ разсужденіяхъ большею частію Метафизическихъ. Онъ дѣлалъ ему увѣренїи, что извлечетъ его изъ руки отягощенїя, обѣщевая ему мощное свое покровительство. Внявъ лестному гласу дружбы *Ѳедоръ Василѣевичъ* отверзъ ему свое сердце. Лучь надежды, казалося, обновился въ немъ; но скоро збылася съ нимъ французская пословица: *отсутствующїе всегда виноваты*. Едва сказанной покровитель уѣхалъ изъ Лейпцига, какъ забылъ *Ѳедора Василѣевича* и дѣланныя ему обѣщанїя, да и столь совершенно, что на всѣ письма

его

его не отвѣтствовалъ ему ни слова. Или ему низко было вступить въ переписку съ неравнымъ ему состоянїемъ; или благодарить надлежитъ за то Наукамъ, что среди обиталища ихъ, различїе состоянїй нечувствительно и взоровъ природнаго равенства не тягчитъ, и для того въ Лейпцигѣ Ѳ. . . . обходился съ *Ѳедоромъ Василѣевичемъ*, какъ съ равнымъ себѣ. И по истиннѣ равенъ онъ былъ тебѣ, мразная душа, силами разума, но далеко превышалъ тебя добротою сердца.

Сїе произшествїе оставило на душѣ *Ѳедора Василѣевича* нѣкую мрачность, которая пребыла съ нимъ до кончины его; посѣяло въ душѣ

душѣ его справедливую недовѣрчивость къ обѣщаніямъ, наипаче знатныхъ, и понудило его вдаться еще болѣе ученію, отъ коего единственныя ожидалъ онъ себѣ отрады; въ чѣмъ онъ и не ошибался. Ибо желаніе науки хотя не навсегда, но паки развѣяло темноту грусти, и истинна свѣтомъ своимъ награждала ему за его скорбь.

Признаться надлежитъ, что *О. . .* присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ съ нами возбудилъ какъ въ *Ѳедорѣ Василѣевичѣ*, такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву* о *Разумѣ*. *О. . .* толикое

при-

пристрастїе имѣлъ къ сему сочиненїю, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ, да другихъ можетъ быть и не зналъ. По его совѣту *Ѳедоръ Василевичъ* и мы за нимъ читали сїю книгу, читали со вниманїемъ, и въ оной мыслить научалися. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гелвецїй* конечно равнодушно не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненїи мыслить *c*) учи-

c) Г. *Гримъ* въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи съ какимъ прилѣжанїемъ мы читали *Гелвецїеву* книгу о разумѣ, по возвращенїи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ *Гелвецїю*.

училося. Въ семъ отношенїи сочиненїе его немалую можетъ всегда приносить пользу.

Предоставленный самъ себѣ, и полагая единственное упованїе на правосудїе Государя своего, возчувствовавъ *Ѳедоръ Василевичъ* къ предстателямъ мерзѣнїе. Онъ устремилъ всѣ силы свои и помышленїя на снисканїе Науки, и въ томъ было единственное его почти упражненїе. Сїе упорное прилѣжанїе къ ученїю ускорило можетъ быть его кончину. За годъ предъ смертїю приключилась ему болѣзнь, которая была, можно сказать, предверїемъ другой, введшей его во гробъ. Употребляя дѣйствительныя и мощ-

ныя

ныя лѣкарства, онъ не покидалъ, вопреки совѣту своего врача упражняться денно-ночно въ чтенїи, и въ сїе время началъ писать о книгѣ *Гелвецїевой* письма, коихъ найдены послѣ него только касающїяся до начала перьвой книги сочиненїя о *Разумѣ*. Упорнымъ своимъ къ ученїю прилѣжанїемъ онъ остановилъ въ крови своей смертоносной болѣзни жало, которое слѣдующею весною возсвирѣпствовавъ снова, отверзло ему врата смерти.

Сїе пишу я для собственнаго моего удовольствїя, пишу для друга моего, и для того мало нужды мнѣ, если кто наскучитъ чтенїемъ сего, не нашедъ въ повѣ-

повѣствованїи моемъ ни одного произшествїя достойнаго памятника, и ради мерзости своея или изящности ради, равно блистающаго. Ибо равно имяниты для насъ *Неронъ* и *Маркъ Авреліи*, *Калигула* и *Титъ*, *Аристидъ* и *Шемяка*, *Картушъ*, *Александръ*, *Катилина* и *Стенька Разинъ*; всѣ славны, всѣ живутъ на памяти потомства и не возмущаются тѣмъ, что о нихъ мыслятъ. Не тревожился бы и всякъ любящїй человѣчество, если бы добрая или худая слава по смерти во что либо вмѣнялась: но по нещастїю всѣхъ, имѣяй власть въ рукахъ, мало рачитъ о томъ, что о немъ скажутъ живу ему сущу, и не помышляетъ ни мало

томъ, что скажутъ о немъ по смерти. Онъ ищетъ токмо ободренія своего самолюбія и стяжанія своей пользы. Не тревожился *Юлій Кесарь* о томъ, что прослыветъ Государственнымъ татемъ, когда похищалъ общественную казну; не тревожился *Ла*, что прослыветъ общественнымъ злодѣемъ вводя во Францію мнимое богатство, которое существовавъ одно мгновеніе, повергло часть Государства въ нищету; не тревожился *Людвигъ XIV.* въ величаніи своемъ, оставитъ ли потомство ему титло великаго, которое въ живыхъ ему прилагало ласкательство; не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ

своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убїйцами своей собратїи, и разбойниками въ отношенїи тѣхъ которыхъ непрїятелями именуютъ, вчиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ.

Сказавъ сїе, можетъ быть не къ стати, я возвращусь къ умерщему нашему другу, и постараюся отыскать въ его дѣянїяхъ то, что привлекательно быть можетъ, не для ищущихъ блестящихъ подвиговъ въ повѣствованїяхъ, и съ равнымъ вкусомъ читающихъ *Квинта Курцїя* и *Сервантa*, но для тѣхъ, коихъ души отверсты на любленїе юности.

Намъ

Намъ предписано было учить-ся всѣмъ частямъ философіи и правамъ, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ языковъ, но *Ѳедоръ Василѣевичъ* думалъ, что не излишнее для него будетъ имѣть понятіе и о другихъ частяхъ учености, и для того имѣлъ онъ въ разныхъ частяхъ учителей, платя имъ за преподаваніе ихъ собственныя свои деньги. При сихъ способахъ для пріобрѣтенія разныхъ знаній, онъ надежнѣйшимъ всегда почиталъ прилѣжное чтеніе книгъ.

Сіе располагалъ онъ всегда соотвѣтственно тому, что преподаваемо намъ было въ коллегіяхъ. *d*)

А И

d) Въ Нѣмецкихъ Университетахъ коллегіею называютъ собраніе слу-

И такъ когда по общему школьному обыкновенїю начали насъ учить прежде всего Логикѣ, то *Ѳедоръ Василѣевичъ* читалъ *Арново* искуство мыслить и основанїя философїи *С' Гравезанда*, и соображая ихъ мнѣнїя со мнѣнїями своего учителя, старался отыскать истинну въ средѣ различїя оныхъ.

Между разными упражненїями къ приобрѣтенїю знанїй относящимися, *Ѳедоръ Василѣевичъ* отмѣнно прилѣжалъ къ Латинскому языку. Сверьхъ обыкновенныхъ лекцїй имѣлъ онъ особыя. Солнце восходя на освященїе трудовъ земно-

шателей при преподаванїи какой либо науки.

земнородныхъ, не рѣдко заставало его бесѣдующаго съ Римлянами. Наиболѣе всего привлекала его въ Латинскомъ языкѣ сила выраженій. Исполненные духа вольности сіи властители Царей упругость своея души изъявили въ своемъ реченіи. Не льстецъ *Августовъ* и не лизорукъ *Меценатовъ* прельщали его, но *Цицеронъ* грѣмящій противъ *Катилины* и колкой *Сатирикъ*, нещадящій *Нерона*. Если бы смерть тебя не возхитила изъ среды друзей твоихъ, ты конечно, о бодрственная душа, прилѣпился бы къ языку сихъ гордыхъ островянъ, кои нѣкогда прельщенные наихитрѣйшимъ изъ властителей, Царю своему жизнь отъяти покусился

судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденїя благосостоянїя общественнаго изгнали наслѣднаго своего Царя, избравъ на управленїе постороннаго; кои при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти и нынѣ не рѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ, противу борствовати державной власти, и оную побѣждать законно.

Между разными Науками, коихъ основанїя алчная *Ѳедора Василѣевича* душа пожрать, такъ сказать, хотѣла вдругъ, отмѣнно прилѣпился онъ къ Маѳиматикѣ. Сходствуя съ разположенїемъ его разума точность сей науки услаждала его разсудокъ.

Съ

Съ какою жадностїю онъ проходилъ всѣ части сей въ началахъ своихъ столь отвратительныя, такъ сказать, науки, но столь общеполезной въ ея употребленїи! Свойственно душѣ *Ѳедора Василѣевича* было мыслить, что огромнѣйшїя въ мирѣ тѣлеса, наиотдаленнѣйшїя отъ нашего обиталища, коихъ единое наше зрѣнїе, сїе наивластительнѣйшее и великолѣпнѣйшее изъ чувствъ нашихъ, можетъ постигать при вспоможенїяхъ человѣкомъ изобрѣтенныхъ, что сїи малѣйшїя точки во зрѣнїи, необъятныя въ дѣйствительности громады, повинуются въ теченїи своемъ изчисленїю. И какъ не возгордиться человѣку во бренности своей

подчиняя власти своей звукъ, свѣтъ, громъ, молнїю, лучи солнечные, двигая тяжести необъятныя, досязая дальнѣйшихъ предѣловъ Вселенныя, постигая и предузнавая будущее. Таковыя размышленїя побудили нѣкогда сказать *Архимеда*: если бы возможно было имѣть внѣ земли опору неподвижную, то бы онъ землю превратилъ въ ея теченїи. Дай мнѣ вещество и движенїе, и миръ созижду, вѣщалъ *Дскартъ*. Таковыя размышленїя составили всѣ системы о Мірѣ, всѣ правдоподобїя о немъ, и всѣ нелѣпости.

За щастїе почесть можно, если удостоишься въ теченїи жи-

тїя

тїя своего бесѣдовати съ мужемъ въ Мїрѣ прославившемся; удольствїемъ почитаемъ, если видимъ и отличившагося злодѣя, но отличнымъ щастїемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелїю славимаго. Таковымъ щастїемъ пользовалися мы хотя не долгое время въ Лейпцигѣ, наслаждаяся преподаванїями въ словесныхъ наукахъ извѣстнаго *Геллерта*. Ты не позабылъ, мой другъ, что *Ѳедоръ Василѣевичъ* изъ всѣхъ насъ былъ любезнѣйшїй *Геллертовъ* ученикъ, и что удостоился въ сочиненїяхъ своихъ поправляемъ быть симъ славнымъ мужемъ. Малое знанїе тогда Нѣмецкаго языка лишило насъ пользоваться его наставле-

нїями самымъ дѣйствїемъ; ибо хотя мы слушателями были его преподаванїй, но недостатокъ въ знанїи Нѣмецкаго языка препятствовалъ намъ равняться съ *Ѳедоромъ Василѣевичемъ*.

Вращаяся всечасно между разными предмѣтами разумѣнїя человѣческаго, не возможно было, что бы въ ученїи разумъ *Ѳедора Василѣевича* пребылъ всегда, такъ сказать, страдательнымъ, упражняяся только въ изслѣдованїи мнѣнїй чуждыхъ. Но въ семъ то и состоитъ различїе обыкновенныхъ умовъ отъ изящныхъ. Одни приемлютъ все, что до нихъ доходитъ, и трудятся надъ чуждымъ изданїемъ, другїе укрѣпивъ

шивъ природныя силы своя учсніемъ, устраняются отъ проложенныхъ стезей и вдаются въ неизвѣстныя и непроложенныя. Дѣятельность есть знаменующая ихъ отличность, и въ нихъ то сродное человѣку безпокойствіе становится явно. Безпокойствіе произведшее все что есть изящное и все уродливое, касающееся обоюдно до предѣловъ даже невозможнаго и непонятнаго, возродившее вольность и рабство, веселіе и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихіи, родившее мечтаніе и истинну, Адъ, Рай, Сатану, Бога.

Ѳедоръ Василевичъ упражняяся въ размышленїяхъ о вещахъ, видѣлъ возраждающїяся въ разумѣ его мысли отличныя новостїю своею отъ обрѣтаемыхъ имъ на пути учености, и для того не могъ оставаться въ бездѣйствїи. Скоро поданъ былъ ему случай испытать свои силы въ изображенїи связїю своихъ мыслей. Ежегодно бывалъ намъ екзаменъ, или изпытанїе о приобрѣтенїяхъ нашихъ въ ученїи. Сколь много всѣ таковыя испытанїи имѣютъ смѣшнаго, и цѣли для коей они уставлены недосязающаго, всякъ вѣдающїй о нихъ до пряма, признается. Не рѣдко тотъ, кто болѣе всѣхъ знаетъ, почитается невѣждою и лѣнивымъ, хотя

тру-

трудится наиприлѣжнѣйше и съ успѣхомъ. Но тѣмъ екзамены полезны, что возбуждаютъ тщеславїе и устремляютъ учащагося отличаться предъ сотоварищами своими: но дабы и въ семъ случаѣ не возбуждать тщеславїя безуспѣшно, то нужно, что бы таковыя испытанїи не были рѣдки, дабы возникшая страсть въ обыкновенныхъ душахъ не угасала. Для назначенныхъ же перстомъ всевѣчнымъ къ безсмертїю въ посторонних подстреканїяхъ любочестїя нужды нѣтъ. Они сами въ себѣ довольно имѣютъ ко спяжанїю славы побужденїя, и хотя оныя не безкорыстны, но умовенны всегда въ благомъ источникѣ.

По прошествїи трехъ лѣтъ обязаны мы были къ наступившему для насъ времени на изпытанїе, показать наши успѣхи въ ученїи, представя письменно связь мыслей о какой либо матерїи. *Ѳедоръ Василѣевичъ* избралъ для сего наиважнѣйшїе предметы, до человѣка касающїеся въ гражданскомъ его отношенїи.

Человѣкъ живущїй въ обществѣ подъ сѣнїю законовъ для своего спокойствїя, зритъ мгновенно силу общую, до днесь ему покровительствовавшею, возникающую на его погубленїе. Друзья его до сего дня, сограждане его возлюбленные, становятся его враги, преслѣдуютъ ему, и рука сильнаго

наго подавляетъ слабаго, томитъ его въ оковахъ и темницѣ, отдастъ его на поруганїе и на смерть. Что можетъ оправдать таковое свирѣпство? Сїе то намѣренъ показать *Ѳедоръ Василевичъ* въ сочиненїи своемъ, разыскавъ слѣдующїя задачи:

1. На чемъ основано право наказанїя?
2. Кому оное принадлежитъ?
3. Смертная казнь нужна и полезна ли въ Государствѣ?

Цѣль, для коей онъ писалъ сїе, не позволяла ему разпространиться: но все что можно сказать въ оправданїе нещастнаго права казни и все что мо-

 жетъ

жетъ ее представить вѣроятно справедливою, того *Ѳедоръ Василѣевичъ* не проронилъ. Связь его мыслей есть слѣдующая.

Показавъ, что человѣкъ ощущая себя слабымъ на удовлетвореніе своихъ недостатковъ въ единственномъ положеніи, слѣдуя чувствительному своему сложенію, для сохранности своей вступаетъ въ общество. Дабы общество направляемо было всегда ко благому концу, условіемъ изъявительнымъ или предполагаемымъ поставляется власть могущая сіе производить и отвращать зло, которое бы могло причинено быть обществу. Лице власть сію имѣющее, именуютъ Госу-

Государемъ въ единственномъ и соборномъ лицѣ. Слѣдственно тотъ, кто долгъ имѣетъ пещися о благѣ общества, имѣетъ право не дозволять и препятствовать вредить ему; слѣдственно что тотъ, кто поставляетъ власть для своего блага, согласуется повиноваться и ея прещенію, когда дѣяніи его отъ благой цѣли устраняются. Показавъ, что при опредѣленіи наказаній иной цѣли имѣть не можно, какъ исправленіе преступника или дѣйствіе примѣра для воздержанія отъ будущаго преступленія, *Федоръ Васильевичъ* доказываетъ ясными доводами, что смертная казнь въ обществѣ не токмо не нужна, но и безполезна. Сіе нынѣ почти общеприем-

приемлемое правило утверждаетъ онъ примѣромъ Россіи. Я не намѣренъ преслѣдовать *Ѳедору Василѣевичу* въ разсужденіяхъ его. Изображая ихъ здѣсь, могу или отъять силу его доводовъ, или только оные разпространить безъ нужды. Тому и другому предварить можно, читая его сочиненіе, которое ясностію мыслей, краткостію слога и твердостію доводовъ заставитъ всякаго потужить о безвременной кончинѣ Сочинителя на двадцати третьемъ году его возвраста.

Опричь малаго сочиненія о любви, и писемъ о *Гельвеціевой* книгѣ о *Разумѣ*, ничего болѣе не найдено въ бумагахъ *Ѳедора Василѣ-*

силвевича. Выписки изъ многихъ книгъ, хотя безъ связи, доказываютъ что онъ располагалъ свое чтенїе со вниманїемъ. Кто можетъ опредѣлить, что съ нимъ потеряло общество? опредѣлить могу я, что потерялъ друга: но если судьба позавидовала тогда моему блаженству, наградила она меня съ избыткомъ давъ мнѣ, мой другъ, тебя.

Послѣднее время житїя своего среди терзанїя болѣзни, и грусти отъ нея раждающейся *Федоръ Василевичъ* не забылъ ученїя, и развѣ изтощенїе силъ отвлекало его отъ упражненїя въ наукѣ. На концѣ наступило время, когда почувствовалъ онъ

совер-

совершенное силъ своихъ изнеможенїе. За недѣлю еще предъ кончиною своею ходилъ онъ съ нами на гулянье, и наслаждался еще бесѣдою любящихъ его: но силы его ослабѣвъ принудили лѣчь въ постелю. Надежда, сїе утѣшительное чувствїе въ человѣкѣ, не покидала его; но за три дни до кончины своея почувствовалъ онъ во внутренности своей болѣзнь несказанную, конечное разрушенїе тѣла его предвѣщающую. Не хотѣлъ онъ пребыть въ невѣденїи, призвавъ своего врача, на искуство коего онъ справедливо во всемъ полагался, просилъ его прилѣжно, да объявитъ ему истинну, есть ли еще возможность дать ему облегченїе,

и да не льститъ ему напрасною надеждою изцѣленїя, буде само естество положило уже тому преграду. Не мни, вѣщалъ зрящїй кончину своего шествїя, томнымъ хотя гласомъ, но мужественно; „не мни, что возвѣщая мнѣ смерть, „востревожишь меня безвременно, „или духъ мой приведешь въ „трепетъ. Умереть намъ должно; „днемъ ранѣе или днемъ позже, „какая соразмѣрность съ вѣчно- „стїю!„

Долго человѣколюбивый врачь колебался въ мысляхъ своихъ, откроетъ ли ему грозную тайну, вѣдая, что утѣшенїе страждущаго есть надежда, и что она не покидаетъ человѣка до послѣдняго

няго издыханїя. Но видя упорное желанїе въ больномъ вѣдать истинну о своей болѣзни, и понимая его нетрепетность, возвѣстилъ ему, что силы его не болѣе однихъ сутокъ противиться возмогутъ свирѣпости болѣзни, что завтра онъ жизни не будетъ уже причастенъ.

Случается, и много имѣемъ примѣровъ въ повѣствованїяхъ, что человѣкъ, коему возвѣщаютъ, что умреть ему должно, съ презрѣнїемъ и нетрепетно взираетъ на шествующую къ нему смерть во срѣтенїе. Много видали и видимъ людей отъемлющихъ самихъ у себя жизнь мужественно. И по истиннѣ нуж-

на

на неробость и крѣпость душевныхъ силъ, дабы взирати твердымъ окомъ на разрушенїе свое. Но страсть дѣйствовавшая въ умирающемъ безъ болѣзни, предъ кончиною его, живетъ въ немъ до послѣднїя минуты и крѣпитъ духъ. Не рѣдко таковый зритъ и за предѣлъ гроба, и чаетъ возродишися. Когда же въ человѣкѣ изтощенїемъ силъ тѣлесныхъ изтощаются и душевныя, сколь трудно укрѣпить духъ противу страха кончины, а тѣмъ паче тому, кто исходя во гробъ, за онымъ ничего не видитъ. Сравни умирающаго на лобномъ мѣстѣ или отъемлющаго у себя жизнь насильственно, съ умирающимъ нетрепетно по долговременной

менной болѣзни на одрѣ своемъ, и скажи, кто мужественнѣе былъ испуская духъ бодрственно?

Услыша приговоръ свой изъ устъ врача, *Ѳедоръ Василѣевичъ* не востревожился ни мало, но взявъ руку его, „нелицемѣрной „твой отвѣтъ, сказалъ онъ „ему, почитаю истиннымъ зна- „комъ твоея дружбы. Прости въ „послѣдній разъ и оставь меня.„

Удостовѣренный въ близкой кончинѣ своей *Ѳедоръ Василѣевичъ* велѣлъ насъ всѣхъ позвать къ себѣ, да послѣднюю совершитъ съ нами бесѣду. „Друзья мои, вѣщалъ „онъ намъ, стоящимъ около его „постѣли, часъ приспѣлъ, да раз- „шаемъ-

„„танемся; простите, но прости-„„те на вѣки.„„ Рыдающихъ облобызалъ, и не хотѣвъ болѣе о семъ грустити, выслалъ всѣхъ вонъ.

Осмнадцать лѣтъ уже совершилося, какъ мы лишилися *Ѳедора Василѣевича*, но мой другъ, сколь скоро вспомню о немъ, то послѣднее его съ нами свиданіе столь живо существуетъ въ моемъ воображеніи, что то же и днесь чувствую, что чувствовалъ тогда. Сердце мое толико уязвлено было тогда скорьбію, что въ послѣдствіи ни изступленіе радости и утѣхъ, ни величайшая печаль потерянѣемъ возлюбленной супруги не изтребило чувствованіе прежнія печали.

Спустя

Спустя нѣсколько времени онъ призвалъ меня къ себѣ, и вручилъ мнѣ всѣ свои бумаги. „Употреби ихъ, говорилъ онъ мнѣ, „какъ тебѣ захочется. Прости „теперь въ послѣдній разъ; помни, „что я тебя любилъ, помни, „что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и „что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно.„ Слезы и рыданіе были ему въ отвѣтъ, но слова его громко раздалися въ моей душѣ, и незагладимою чертою ознаменовалися на памяти. Поживутъ онѣ всецѣлы, доколѣ дыханіе въ груди моей не изчезнетъ, и не охладѣетъ въ жилахъ кровь. Дажль небо, да мысль присудственна

мнѣ

мнѣ будетъ въ предлверіи гроба, и да возмогу важное сынамъ моимъ оставить наслѣдіе, послѣднее завѣщаніе умирающаго вождя моея юности, и живаго да оставлю имъ въ вожди, друга любезнѣйшаго, друга моего сердца, тебя.

Что послѣ сего послѣдовало, тебѣ мой другъ, болѣе извѣстно, нежели кому другому. Ты послѣдніе часы былъ при немъ безотлученъ, ты былъ свидѣтелемъ послѣдняго вздыманія его груди. Скажи, мой другъ, почто и я тутъ не былъ. Или слабость моего здоровья, или нетвердость духа, или какая другая причина отлучила меня отъ умирающаго и возпрешила мнѣ видѣть

послѣднїя черты его жизни, и прехожденїе ея во смерть. Но ко всѣмъ симъ причинамъ совокупно было и недозволенїе на то умирающаго. Или столь малъ былъ жаръ дружбы въ сердцѣ моемъ, что я не преступилъ его велѣнїя. О мой другъ! въ минуты благоденствїя, когда разумъ ни чѣмъ не упрекаетъ сердцу, мысль сїя тягчитъ меня, и я малъ становлюся передъ собою.

Предвѣщанїе врача начало совершаться. Доселѣ нечувствительнымъ покатомъ составъ жизни спускался ко смерти, но вдругъ она повлекла его всесильною рукою. За нѣсколько часовъ предъ кончиною *Федора Василѣевича* почувство-

чувствовалъ во внутренности своей болѣзнь несносную, возвѣщающую ему отшествїе жизни. Доселѣ уста его не испускали жалобнаго стона, но скорбь одолѣвъ сопротивленїемъ, страждущїй вскричалъ содрагающимся гласомъ. Знаки антонова огня внутренность его объявшаго начинали казаться на поверьхности тѣла; въ окрестностяхъ желудка видны были черныя пятна. Терзаемый паче всякаго изтязанїя, суевѣрїемъ или мучительствомъ на казнь невинности изобрѣтаемаго, прибѣгнулъ *Ѳе́доръ Василевичъ* къ тебѣ мой другъ, да скончаешь его болѣзнь, болѣзнь, а не жизнь скончати называю, ибо врата кончины ему уже были отверсты.

Тебя, мой другъ, просилъ онъ да будешь его при издыханїи благодѣтель, и дашь ему яду, да скоро пресѣчется его терзанїе. Ты сего не исполнилъ, и я былъ въ приговорѣ, да не исполнится требованїе умирающаго. Но почто толикая въ насъ была робость. Или боялися мы почесться убїйцами? Напрасно; не есть убїйца избавляяй страждущаго отъконечнаго бѣдствїя, или скорьби. Другъ нашъ долженствовалъ умереть, и часъ врачемъ былъ ему назначенъ по нелживымъ признакамъ, то не все ли равно было для насъ, что боляшїй скончаетъ жизнь свою мгновенно, или продлится она въ немъ на часъ еще единъ; но то не равно, что продолжит-

ся

ся въ терзанїи несносномъ. Мы потерять его были уже осуждены. Скажетъ нѣкто, что врачь могъ ошибиться. Согласенъ; но болящїй не ошибался въ мученїи своемъ, и правъ былъ желая скончанїя онаго, а мы не правы давъ оному продолжиться.

Мой другъ, ты укоснилъ дать помощь *Федору Василѣевичу*, но не избавился впередъ можетъ быть отъ требованїя такого же рода. Если еще услышишь гласъ стѣняцаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ не обходимая и воззову къ тебѣ на спасенїе мое, не медли о любезнѣйшїй мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду

жизнїю гнушаемуся и ее возненавидѣвшему.

Наконецъ естественнымъ склоненїемъ къ разрушенїю, пресѣклась жизнь *Ѳедора Василѣевича*. Онъ былъ и его не стало. Изъ милїоновъ единый изторгнутый, не примѣтенъ въ обращенїи мїровъ. Хотя не можно о немъ сказать во всемъ пространствѣ, какъ нѣкогда *Тацитъ* говорилъ о *Агриколѣ* и *Даламберъ* о *Монтескїю*: „конецъ жизни его для насъ былъ „скорбенъ, для отечества печа„ленъ, чуждымъ и даже неиз„вѣстнымъ не безъ прискорбїя.„ Но то скажу справедливо, что всякъ, кто зналъ *Ѳедора Василѣевича*, жалѣлъ о безвременной его кон-

кончинѣ, тотъ кто провидитъ въ темноту будущаго и уразумѣетъ, что бы онъ могъ быть въ обществѣ, тотъ чрезъ многіе вѣки потужитъ о немъ; друзья его о немъ восплакали; а ты если можешь днесь внимать гласу стѣняющаго, приникни о возлюбленный къ душѣ моей, ты въ ней увидишь себя живаго.

Конецъ первой части.

Часть вторая.

РАЗМЫШЛЕНІИ.

1. О правѢ наказанїя и о смертной казни.

2. О любвѢ.

3. Письмы о перьвой книгѢ *Гельвецїева* сочиненїя, о РазумѢ.

РАЗЫСКАНІЕ

слѣдующихъ вопросовъ:

1. На чѣмъ основывается право наказанія?

2. Кому оное право принадлежитъ?

3. Смертная казнь нужна ли и полезна ли въ Государствѣ, то есть въ обществѣ людей законами управляемомъ?

Прежде разысканія сихъ вопросовъ надлежитъ опредѣлить смыслъ понятія о *наказаніи*. Я подъ онымъ разумѣю *зло содѣловаемое начальникомъ преступнику закона*. Давъ таковое изъясненіе мнѣ надлежитъ кажется разсмотрѣть человѣка,

каковъ онъ произведенъ природою, не коснувшись общества, дабы ясніе опредѣлить, на чемъ основывается право наказанія. Сіе то я и намѣренъ разыскать столь кратко, сколько то возможно, по существу самой вещи и по намѣренію сего сочиненія.

Если мы вообразимъ первенственное состояніе человѣка, состояніе равенства и независимости, то узримъ его самовластнымъ судіею своихъ опредѣленій. Если мы разсмотримъ его существо, то найдемъ его одареннаго понятіемъ, (то есть свойствомъ составлять идеи и оные сравнивать) и физическою или тѣлесною чувствительностію. Понятіе

шïе дѣлаетъ его удобнымъ ко блаженству, то есть опредѣлять хотѣнïе свое сходственно со своимъ благосостоянïемъ; тѣлесная чувствительность повѣщаетъ ему о его надобностяхъ, и показуетъ ему способы удобнѣйшïе къ удовлетворенïю онымъ. Любовь самаго себя, или своего благосостоянïя, есть основанïе всѣхъ человѣческихъ дѣянïй. Сïе чувство природою въ насъ впечатлѣнное есть всеобщее, и для того не требовало бы доводовъ, но случается, что наипростѣйшïя и яснѣйшïя истинны подвергаются иногда сомнѣнïямъ. Для того я дамъ оному доказательство, на самомъ существѣ нашего понятïя основанное.

Всякое понятïемъ одаренное существо имѣетъ чувство о своемъ существованïи, ибо кто чувствуетъ, тотъ не можетъ быть безчувственъ. Слѣдственно онъ можетъ предпочесть состоянïе пребыванïя другому состоянïю пребыванïя, то есть почитать одно счастливѣе другаго: но предпочитать одно состоянïе другому есть то же, что опредѣлять свое хотѣнïе и избирать состоянïе пребыванïя, щастливѣйшимъ почитаемое, суть одинаковыя вещи. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ права и должности человѣка изъ сего произтекаютъ начала, и всѣ оному безъ изъятïя суть подчиненны. Оттуда право защищать себя или отвращая обиду, или

наказ-

награждая ущербъ, или преду-
преждая своего злодѣя, если слу-
чится быть въ грозящей опасно-
сти, или увѣренному о злодѣй-
скомъ намѣренїи своего против-
ника. Ибо имѣющїй право къ
цѣли, имѣетъ неотмѣнно право
къ способамъ позволительнымъ;
и такъ стараніе о своей сохран-
ности, будучи средствомъ необ-
ходимымъ для пребыванїя во бла-
госостоянїи, есть право нераз-
дѣльное отъ человѣка. Доселѣ по-
нятїе о наказанїи изчезло для
того, что оное предполагаетъ на-
чальника, изтребляетъ понятїе
естественныя свободы, а потому
и равенства. Но сїе состоянїе
независимости и равенства, столь
прекрасное въ воображенїи, не
могло

могло продлиться въ слѣдствїе несовершенства человѣка. Слабость младенчества, немощь старости, природная склонность человѣка къ самовластїю, непрестанная боязнь да не подвергнется насилїямъ могущественнѣйшихъ, словомъ препятствїя, сохранности каждаго въ естественномъ состоянїи вредящїя, превзошедъ своимъ сопротивленїемъ силы употребляемыя каждымъ для пребыванїя въ семъ состоянїи, люди принуждены стали премѣнить внѣшнее состоянїе ихъ житїя. Но какъ они не могли произвести новыхъ силъ, а совокупить и соединить токмо имѣвшїя; то надлежало установить общество, гдѣ каждой подвергался верховно-

му

му вожденїю Государя, и мѣнялъ свою природную свободу, силами каждаго ограниченную, на свободу гражданскую, въ житїи по законамъ состоящую. Разсмотримъ теперь человѣка въ семъ новомъ положенїи и начнемъ объясненїемъ существа Государствъ.

Народъ есть общество людей соединившихся для снисканїя своихъ выгодъ и своея сохранности соединенными силами, подчиненное власти въ немъ находящейся: но какъ всѣ люди отъ природы суть свободны, и никто не имѣетъ права у нихъ отнять сея свободы, слѣдовательно учрежденїе обществъ предполагаетъ всегда дѣйствительное или безмолв-

вное согласїе. О семъ иные сомнѣваются, почитая народъ собранїемъ единственниковъ. Но оно представляетъ нравственную особу, общимъ понятїемъ и хотѣнїе одаренною, и для того права и обязанности имѣть могущею; слѣдовательно можно ей сдѣлать обиду.

Общество такъ сложенное долженствовало помышлять о такомъ средствѣ, которое бы положило всѣмъ онаго членамъ необходимость направлять всѣ ихъ дѣянїи сходственно съ общимъ благомъ: для того то люди премѣняя образъ своего бытїя не премѣняютъ своей природы, и злодѣянїя принудившїя ихъ состави-

вить общество не истребились бы, безпорядокъ остался бы и разрушенїе Государства послѣдовало бы непремѣнно. Но какъ скорбь и отвращенїе отъ зла и притяжательность веселїя суть равно всеобщїи, то ясно слѣдуетъ, что наидѣйствительнѣйшее средство подчинить частное хотѣнїе хотѣнїю всеобщему, и принудить гражданъ поступать только сходственно съ намѣренїями законоположника, есть учрежденїе награжденїй и наказанїй. Я предъ симъ доказалъ, что общество не можетъ быть развѣ дѣйствительнымъ или безмолвнымъ согласїемъ всѣхъ единственниковъ. А какъ установленїе наказанїй есть средство необходимое для

содер-

содержанїя порядка и для направленїя дѣянїй каждаго сходственно съ общимъ благомъ, то ясно, что начало права наказанїй основывается на ихъ согласїи, ибо кто желаетъ цѣли тотъ желаетъ и средства.

Нѣкто возразитъ можетъ: опредѣляя волю свою къ цѣли блаженства, возможно ли, чтобъ человѣкъ условился на предосудительное своему благосостоянїю? Овѣтствую: 1) ступая въ общество никто не мнитъ о себѣ, что будетъ нарушитель закона, а тѣмъ общественный злодѣй; но каждый обязуяся жить по законамъ, никто изъ оныхъ не исключенъ, и сїе никому не предосудительно. 2) Всякъ властенъ

вдать

вдать опасности не токмо нѣсколько своихъ правъ, но и самую жизнь для сохраненїя оной. Въ таковомъ дѣяніи человѣка выборъ стремится къ цѣли своея выгоды, ибо мѣняетъ онъ зло дѣйствительное и настоящее, на зло будущее, отъ коего онъ легко уклониться можетъ. Сїи разсужденїя влекутъ заключенїи, что человѣкъ обязуяся терпѣти зло начальникомъ его ему содѣловаемое за преступленїе закона, ничего не теряетъ, но паче выигрываетъ; слѣдственно дѣйствїе сїе стремящееся единственно къ его сохранности есть законно и твердо.

Положивъ основанїе праву наказанїя я могу приступить къ рѣше-

рѣшенїю втораго моего вопроса, то есть, кому принадлежитъ право наказанїя. А понеже сїя задача есть дальнее токмо слѣдствїе первой; то довольно будетъ, если утвержу оную однимъ простымъ доводомъ не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣнїе.

Составъ каждаго правленїя требуетъ Государя, или вождя, который бываетъ нераздѣльною или соборною особою, одаренною верьховною властїю для направленїя всѣхъ единственныхъ волъ и силъ къ общественному благу. А какъ сохранность народа и содержанїе добраго порядка суть первые предмѣты его попеченїя, чего безъ учрежденїя наказанїй

и

и награжденїй приобрѣсти не можно; но ясно слѣдуетъ, что право наказанїя принадлежитъ единому токмо Государю, право, которое онъ можетъ вручить нижнимъ властямъ. Но онѣ суть токмо исполнители вышнїя воли Государя, законами опредѣленной и пересуду неподверженной.

Я приступлю теперь къ послѣдней задачѣ. Вопрошается: смертное наказанїе полезно ли и нужно ли въ обществѣ? Для рѣшенїя сего надлежитъ разсмотрѣть цѣль наказанїя вообще.

Цѣль Законодателя при учрежденїи наказанїй есть сохранность граж-

гражданъ; утвержденїе законнаго владѣнїя ихъ имѣнїй, предваренїе природныя склонности человѣка присвоять все что можетъ взять невозмездно, наконецъ приведенїе къ должностямъ уклонившихся отъ оныхъ. Отсюду истекаетъ примѣрное наказанїе стремящееся къ отвращенїю отъ беззаконныхъ и злыхъ дѣлъ всѣхъ вѣдающихъ о болѣзняхъ, злодѣями претерпѣваемыхъ. Иные отметаютъ изправленїе, которое ничто иное есть, какъ средство къ приведенїю преступника въ самаго себя истязанїемъ; средство къ произведенїю въ душѣ истиннаго раскаянїя и отвращенїя отъ злыхъ дѣлъ. Другїе мнятъ быти возмездїю состоящему въ содѣланїи

зла

зла за зло. Сомнѣваюсь, чтобъ тѣ были правы, а докажу, что сїи конечно ошибаются.

Представимъ себѣ Государство нравственною особою, а гражданъ онаго ея членами. То можно ли подумать, что человѣкъ раздробивши себѣ ногу восхотѣлъ бы воздать зло за зло, и преломить себѣ другую. Положенїе Государства есть сему подобно. Всѣ дѣйствїи Государства должны стремиться къ благосостоянїю онаго; а награждать зломъ за зло есть тоже что невозвратное зло себѣ содѣлать. Желать себѣ зла, противно существу общества, и таковое дѣйствїе предполагаетъ безу-

мïе, но безумïе права не составляетъ. Слѣдовательно таковое дѣйствïе ни есть законно, ни полезно, а потому и не возможно; да и полагающïе возмездïе кажется похожи на послѣдователей системы *безпристрастной свободы*, которые утверждая что *хотѣнïе есть хотѣнïе* и что *хочу, для того что хочу*, приемлютъ очевидно дѣйствïе безъ причины.

Отметающïе изправленïе основываются на невозможности судить объ ономъ и опредѣлить время, когда преступникъ придетъ въ себя. Судъ, говорятъ они, объемлетъ внѣшнïя токмо дѣйствïи; никто не судитъ о намѣренïи, и Законоïатель не можетъ пещися о изправленïи.

Дабы

Дабы отвѣтствовать съ точностїю на сїе заключенїе надлежитъ сперьва разыскать, можетъ ли человѣкъ изправиться? Для сего разсмотримъ его въ себѣ самомъ, и вопросимъ природу. Человѣкъ раждается ни добръ ни золъ. Утверждая противное того и другаго надлежитъ утверждать врожденныя понятїи, не бытїе коихъ доказано съ очевидностїю. Слѣдственно злодѣянїи не суть природны человѣку; слѣдственно люди зависятъ отъ обстоятельствъ, въ коихъ они находятся, а опыты насъ удостовѣряютъ, что многїе люди повиновалися нещастному соитїю странныхъ приключенїй. Если же человѣкъ случайно бываетъ

преступникомъ, то всякъ можетъ изправиться. Если онъ повинуется предметамъ его окружающимъ, и если соитіе внѣшнихъ причинъ приводитъ его въ заблужденіе, то ясно, что отъемля причину другія воспослѣдуютъ дѣйствіи. Сверьхъ же того дабы доказать, что исправленіе не возможно, надлежало бы опредѣлить силу злобы потребной въ преступникѣ для содѣланія дѣйствія запрещеннаго законами. А какъ можетъ оное быть? Творецъ дѣйствія иногда не вѣдаетъ самъ побужденій его влекущихъ, то есть что онъ не ясно видитъ соитіе обстоятельствъ побудившихъ его къ дѣйствію. Если же не возможно положить явнаго предѣла

испра-

исправленїю, если же на противъ того очевидно, что человѣкъ можетъ исправиться, и что люди разнствуютъ токмо въ количествѣ; то не справедливо ли будетъ въ семъ случаѣ клониться къ большей вѣроятности. Сїе то я и намѣренъ разсмотрѣть восходя отъ дѣйствїя ко причинамъ.

Представимъ себѣ человѣка на нѣсколько степеней страсть имѣющаго, и со всѣмъ къ добродѣтели равнолушнаго: добродѣтелїю я называю навыкъ дѣйствїй полезныхъ общественному благу. Таковой человѣкъ столь же непремѣнно впадаетъ въ злодѣянїе, какъ брошенный камень падаетъ

на землю. Рѣшить должно, можно ли сего человѣка исправить? Злодѣянїе въ человѣкѣ раждается отъ притяжанїя веселїя и отъ глупыя надежды безвозмездїя, отъ чего должно воздерживать его болѣзнїю. Злодѣй уличенный въ своемъ злодѣянїи осуждается на потеряніе своея свободы. Утрата невозвратимая, все превосходящая, а паче для человѣка просвѣщеннаго. Вринутый въ глубокую темницу и въ снѣдь скукѣ, отчаянїе объемлетъ его душу; за онымъ слѣдуетъ ярость на свое непроворство. Ибо трудно неистовцу признаться виновнымъ, но немощь содѣлати зло превращаетъ, такъ сказать, естество его хотѣнїя, равно какъ невозможность

ность удовлетворить желанїю оное изтребляетъ. Дошедъ до сея степени, онъ себя разсматриваетъ; а разсужденїе человѣка о извѣстныхъ обстоятельствахъ всегда бываетъ справедливо, если разумъ его не ослѣпленъ страстїю. Здѣсь всѣ его страсти утихли или настоящимъ страданїемъ, или воображенїемъ отсутствїя всѣхъ веселїй. Онъ познаетъ свое злодѣянїе. И можно ли, чтобъ онъ его не позналъ? Если человѣкъ наикрѣпчайшїй колеблется, если *Катонъ*, если *Брутъ*, сїи строгїе стоики возмогли подвигнуться и премѣнили намѣренїе, то какой смертной не премѣнится? Къ томужъ мы охотно послѣдуемъ въ разсужденїяхъ другимъ

людямъ, дабы избавится трудности изслѣдованїя угождая природному человѣка недѣйствїю, или повинуяся общественному разсужденїю. Тако преступникъ, зря себя покрыта безчестїемъ и срамотою, у всѣхъ въ презрѣнїи, единъ среди всѣхъ, и преданный себѣ самому, прибѣгаетъ къ раскаянїю, яко къ единой нещастныхъ отрадѣ, которая по истинѣ сильнѣе, нежели думаютъ.

Но преступникъ, скажутъ мнѣ, можетъ затверлѣть во злодѣянїи, онъ можетъ даже нечувствителенъ быть къ болѣзни, которую ощущаетъ. Сїе невразумительно; но раскаянїе, кое неизбѣжно, производитъ непремѣнно отвращенїе къ дѣйствїямъ

ствїямъ приведшимъ въ раскаянїе, а тѣлесная болѣзнь дѣлаетъ оныя ужасными. Нещастный чрезъ долгое время навыкшїй съ ужасомъ взирать на прошедшїя свои дѣла отвращается отъ злодѣйства, а впечатлѣнїе сїе всегда и непрерывно пребывающее столь привычно ему станетъ, что отъ единыя мысли злодѣянїя возтрепещетъ. Если всѣ люди имѣютъ свойство соединять съ одинаковыми предмѣтами одинаковыя мысли, и воображать не раздѣльными идеи, кои они въ одно имѣли время, такъ что одна не можетъ возбудиться безъ другой; если привычка другая есть природа, коли не перьвая, какъ то думаетъ *Гелвецїй*,

и если чувствованїе скорьби сильнѣе по себѣ оставляетъ впечатлѣнїе, нежели чувствованїе мысленнымъ воображенїемъ познаваемое, то я могу утверждать, что въ человѣкѣ степени порока премѣнятся въ десять лѣтъ во столько же степеней добродѣтели. Дабы смертная казнь производила свое дѣйствїе, нужно чтобы преступленїи были всечасны; ибо каждое примѣрное наказанїе предполагаетъ вновь сдѣланное преступленїе; желать сего есть тоже, что хотѣть, чтобъ самая таже вещь, была сама по себѣ купно и другая вещь въ одно время, слѣдовательно желать противорѣчїя.

Но скажетъ нѣкто, если тѣлесныя болѣзни смерьти пред-

ше-

шествующїя сильнѣе всего въ человѣкѣ дѣйствуютъ, то надлежитъ прибѣгнуть къ изысканнымъ казнямъ? Признаюсь, что онѣ весьма чувствительно и сильно дѣйспвуютъ; но и то извѣстно, что онѣ преходящїя токмо доставляютъ выгоды, и сїе то думаю доказываетъ ихъ безполезность. Какое звѣрство, какой ужасный вымыселъ въ казняхъ при *Калигулѣ*, *Неронѣ*, *Діоклитіанѣ!* какое на противъ того наблюденїе въ сохраненїи жизни гражданъ во время республики. Различїе въ сїи времена во нравахъ относится всегда къ похвалѣ народнаго правленїя. Сїе и доказываетъ, что не жестокость казни удерживаетъ преступника

или предваряетъ преступленїе, но мудрое Законоположенїе и соединенїе общей корысти съ частными корыстьми, поелику то возможно. Свирѣпость наказанїй показуетъ всегда народное повержденїе и причиняетъ избѣжанїе казни, а надежда укрыться отъ оныя умаляетъ ея дѣйствїе и возпрещаетъ жертвовать злодѣйскимъ но настоящимъ веселїемъ. Владычество привычки есть всеобщее надъ человѣкомъ, и яко веселїе изчезаетъ продолженїемъ, тако пораженїе теряетъ свою силу частымъ повторенїемъ. Избраннѣйшая казнь теряетъ свое дѣйствїе и становится наконецъ безплодною; какъ же соразмѣрить наказанїе преступленїю? Въ тѣлесномъ и нрав-

нравственномъ Мїрѣ все имѣетъ свои предѣлы, естество человѣческое имѣетъ такъ же свой предѣлъ во злѣ и благѣ; то ясно, что полагая изысканныя казни надлежитъ на чемъ нибудь остановиться. Тутъ будетъ несоразмѣрность наказанїя съ преступленїемъ; будетъ сїе не правосудно, а потому сумазбродно.

Понеже ясно, что смертная казнь никогда долговременнаго не производитъ впечатлѣнїя, и поражая сильно и мгновенно души бываетъ тѣмъ недѣйствительною; понеже жестокость казни становится временною непремѣннаго ради слѣдствїя своея безполезности; то я могу заключить,

чить, что смертное наказанїе не можетъ быть ни полезно, ни нужно въ Государствѣ.

Положивъ сїе начальное правило, и устремлял внимательное око на сложенїе Государствъ, и на обрядъ уголовныхъ дѣлъ, я покажу два опасныхъ слѣдствїя смертныя казни. Образъ всякаго правленїя влечетъ за собою неравенство имѣнїй. Монархическое тѣмъ и существуетъ, Аристократическое онаго отвергнуть не можетъ, въ Демократическомъ хотя бы надлежало быть равенству имѣнїй; но судя съ точностїю не можетъ быть истинной Демократїи, и сїе правленїе приличествуя токмо весьма

ма малымъ и бѣднымъ Государствамъ, не можетъ и по мнѣнію Г. *Руссо* сдѣлать народа счастливымъ, по склонности своей къ возмущеніямъ. Опыты всѣхъ вѣковъ и настоящее Государствъ состояніе доказываютъ невозможность равенства имѣній. А неравенство оныхъ производитъ съ одной стороны нищету, а съ другой роскошь; сего ради могу я сдѣлать положеніе, что въ двадцати милїонахъ жителей найдется по самой крайней мѣрѣ двѣсти въ крайнее убожество поверженныхъ: едва возмогутъ они добыти дневную пищу, и жизнь не премѣнно будетъ имъ въ отягощеніе. Они восхотятъ оной лишится; законъ имъ доставитъ сїе бла-

благодѣянїе, котораго удостоятся они злодѣйствами; и се уже двѣсти преступниковъ укрѣпленныхъ мгновенїемъ казни, и надеждою нѣсколькихъ годовъ услажденїя.

Второе слѣдствїе ужаснѣе перьваго, изтекаетъ изъ обряда уголовныхъ дѣлъ. Люди опредѣляютъ наиважнѣйшїя дѣйствїя своея жизни по нравственной ясности; слѣдственно и знаки преступленїе утверждающїе, на оной же должны основываться: но и по мнѣнїю самаго Творца книги о *преступленїяхъ* и *наказанїяхъ* нравственная ясность ничто иное есть какъ наивеличайшая вѣроятность; а какъ нѣтъ вѣроятности, коея бы противоположность не была воз-

возможна, то заключаю, что со всѣми осторожностями въ сужденїи преступленїя можно ошибиться и осудить невиннаго, и что бываютъ случаи, коихъ истинна едва чрезъ долгое теченїе времени отворзается. Ибо какой человѣкъ почтется преступити не могущимъ? Невѣжество судїи введетъ его въ погрѣшность, сребролюбїе повредитъ его правоту, отеческая нѣжность, любовь сыновняя, предстательство вельможъ, долговременное дружество, и многїя малыя симъ подобныя причины, не возмогутъ ли его обольстить, и не преступитъ ли онъ власти своей на судилищѣ?

Разсмотримъ свидѣтельство. Хотя и говорятъ, что вѣра ко свидѣ-

свидѣтелю возрастаетъ по мѣрѣ умаленїя его корысти: но можно ли назначить предѣлъ, гдѣ корысть изчезаетъ; можетъ ли кто проникнуть въ тайныя излучины сердца человѣческаго? Или нѣтъ уже болѣе душъ низкихъ и подлыхъ, всегда личиною прикрытыхъ, и тѣмъ наименованїе честныхъ людей приобрѣтшихъ, прельщенныхъ или обоязненныхъ, и того ради на ложное свидѣтельство готовыхъ? Изъ сего заключаю, что приговоръ на свидѣтельствѣ основанной подверженъ заблужденїю. Признаюсь, что таковые случаи суть рѣдки, но единая ихъ возможность приведетъ въ ужасъ сердце праведное, и отъ вопля невиннаго въ бѣдствїи содрога-

дрогатися обыкшее; а если бываютъ случаи, въ коихъ можно предположить, что невинность развѣ чрезъ долгое теченїе времени открывается, и если опыты доказываютъ, что часто невинные сопреступниками вмѣнялися и казнены смертїю, то благоразумно и праведно имѣть готовое всегда средство скончавати мученїя невинныя жертвы, а смертная казнь не есть средство таковое.

Сїи причины, царствованїе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ и опыты всѣхъ временъ доказующїе, како смертное наказанїе не послужило къ уловренїю человѣка, побуждаютъ меня

ня заключитъ, что установленїе сей казни, со всѣмъ въ Государствѣ безполезно, да и казнить смертїю для примѣра надлежитъ только того, кого безъ опасности сохранить не возможно. Я тѣмъ болѣе подвизаюся на сїе разсужденїе, что извѣстно, что люди разполагаютъ свои дѣянїя по повторяемому дѣйствїю золъ имъ извѣстныхъ, а не по дѣйствїю золъ имъ невѣдомыхъ.

Симъ образомъ изправленный, и вышшимъ правосудїемъ освобожденный чувствуетъ преисполнена себя благодарностїю: но живо чувствующїй благодѣянїе, старается явить признанїе онемъ; всякъ хочетъ быть почитаемъ,

емъ, и скорбитъ зря себя въ презрѣнїи. И такъ желанїе почтенїя и скорбь презрѣнїя произведутъ въ преступникѣ стремленїе ознаменитися, да будетъ общественнаго почтенїя достоинъ, да воздастъ, такъ сказать, за худыя свои дѣла, и да погрузятся онѣ въ вѣчное забвенїе. Тако во Грецїи воины избавившїеся смерти бѣгствомъ, храброму мужу всегда постыднымъ, но срамомъ и стыдомъ покрытые бывали всегда въ послѣдующее время наизнаменитѣйшїе; слѣдственно бываетъ предѣлъ довольно извѣстный, гдѣ виновный почесться можетъ обратившимся къ должности своей, то не достоино ли осемъ наистрожайше изслѣдовать? Сердце мудраго

драго Законодателя не источитъ ли кровь, наказуя невиннаго. Ибо наказанїе исправившагося преступника есть закланїе невинныя жертвы.

Я не намѣренъ разспространять силу сего заключенїя на убїйцовъ. Жребїй нарушителю договора и общественному злодѣю есть смерть гражданская. Ибо есть свято, есть ненарушимо паче жизни гражданина. Я думаю однако же, что по оному заключенїю могу судить о воровствахъ и о другихъ меньшихъ преступленїяхъ, назначая покмо нѣкоторые предѣлы, да не войду въ скучныя подробрости. Если бѣдность, столь всегда близко

ко преступленїя, ввела человѣка въ заблужденїе: если стремленїе страстей юности, всегда буйственной, но всегда гибкой вринуло его въ преступленїе; то не побудитъ ли сїе мыслить благосклонно о преступникѣ? Слѣдовательно, кажется, не можно съ основанїемъ изключить изправленїе изъ намѣренїй Законодателя.

Мы видѣли, что предмѣты установленїя наказанїй суть или средства воспрѣтить преступнику впредь вредить обществу, или примѣръ для другихъ, да отвратятся отъ содѣланїя подобныхъ злодѣянїй, или наконецъ исправленїе. Дабы рѣшить теперь, полезно ли, и нужно ли въ Государ-

ствѣ

ствѣ учрежденїе смертныя казни, разсмотримъ каждой изъ сихъ предмѣтовъ особо.

1. Я уже показалъ, что изправленїе неотмѣнно входитъ въ разположенїе Законодателя, понеже совершенное разрушенїе вещи изтребляетъ понятїе о исправленїи; ибо отъемляй жизнь у преступника разрушаетъ его бытїе, его истребляетъ: то заключаю, что въ семъ случаѣ смертная казнь предосудительна.

2. Предварить, что бы преступникъ впредь не вредилъ обществу, для сего надлежитъ сдѣлать его только немощнымъ.

нымъ. Темница для сего избыточна. Слѣдуетъ, что въ семъ случаѣ смертная казнь не нужна.

3. Наказанїе для примѣра отвратитъ отъ подобныхъ преступленїй согражданина виновнаго; для сего надлежитъ изыскать наказанїе, которое бы сильнѣе, дѣйствительнѣе и продолжительнѣе душу поражало. Обыкновенно думаютъ, что законная смерть оставляетъ по себѣ впечатлѣнїе наисильнѣйшее, или дѣйствительнѣйшее, или долговременнѣе пребывающее. О семъ я сомнѣваюсь, и вотъ тому вина.

Смерти всегда предшествуетъ болѣзнь, жизни сопутствуютъ всегда какія нибудь веселіи. Къ жизни мы слѣдовательно прилѣпляемся ради страха болѣзней и вожделѣнія веселій. Чѣмъ жизнь блаженнѣе, тѣмъ страшнѣе оную оставить. Оттуда ужасъ въ смертный часъ въ довольствіи живущихъ. На противъ того, чѣмъ жизнь нещастнѣе, тѣмъ меньше жалѣютъ лишиться оной. Оттуда нечувствительность ищаго въ ожиданіи послѣдняго часа. А если любленіе бытія основано на страхѣ болѣзни и вожделѣніи веселія, то слѣдуетъ, что желаніе быть счастливымъ, сильнѣе въ насъ, нежели желаніе быть. Слѣдуетъ, что пренебреженіе жизни

есть

есть заключенїе изчисленїя, доказующаго намъ самимъ, что лучше не быть, нежели быть нещастнымъ. Сей доводъ не есть воображенїе умозрительства, но токмо обществованїе произшествїй на опытахъ людей мудрыхъ и людей мало просвѣщенныхъ основанное, что и доказываетъ онаго общественность. Не съ охотою ли *Катонъ* отъялъ у себя жизнь изъ любви къ Отечеству? *Сцевола* влекомый корыстїю общаго блага не подвергался ли не токмо смерти, но и острѣйшей мукѣ? Не терпѣлъ ли *Регулъ* наижесточайшихъ мученїи, да исполнитъ свое обязательство? Я не могу сравнять съ сими великими людьми сихъ злодѣевъ,

сихъ изверговъ природы, суевѣрïемъ упоенныхъ и обагрившихъ руки свои въ крови Царей своихъ, и толико же безумныхъ убïйцовъ. Сïе доказательство довольно кажется заключительное утверждаетъ, что смертная казнь не съ наибольшею дѣйствительностïю поражаетъ разумы, и что впечатлѣнïя ея не наисильнѣйшïя суть; по крайней мѣрѣ онѣ не во всѣхъ равны бываютъ, а потому не будучи наисильнѣйшïя, да и всегда мгновенныя, не могутъ конечно быть дѣйствительными.

Но положимъ, что оныя впечатлѣнïя суть наисильнѣйшïя, какъ то они суть въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ неимѣющихъ великихъ

кихъ страстей ни къ добру ни ко злу, коихъ число конечно въ каждомъ Государствѣ велико, то утверждаю, что тѣмъ самимъ онѣ и вредны: ибо чѣмъ пораженїе сильнѣе, тѣмъ кратче оно бываетъ. Правда, что оно объемлетъ всѣ наши душевныя силы, но они подобны изящной музыкѣ; ея дѣйствїе мгновенно насъ восхищаетъ, мгновенно и изчезаетъ. Тогда престаетъ соображенїе и человѣкъ въ совершенное погружается забвенїе. Смертная казнь удивляетъ, но не исправляетъ; она окрѣпляетъ, но не трогаетъ; но впечатлѣнїе медленное и продолжительное оставляетъ человѣку полную власть надъ собою. Онъ соображаетъ, сравниваетъ;

слѣдовательно сїе впечатлѣнїе по существу своему есть дѣйствительнѣе, и тѣмъ полезнѣе. А если продолжительное впечатлѣнїе глубокїя въ сердцѣ человѣческомъ оставляетъ черты, то долженствуетъ слѣдовать, что оно дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе. Въ таковыхъ обстоятельствахъ былъ *Александръ* Великїй въ разсужденїи *Филота*, единаго изъ первѣйшихъ своихъ Полководцевъ, ближайшаго своего друга и сына *Парменїонова*, великимъ войскомъ погда предводительствовавшаго; таковъ же былъ случай *Генриха IV* въ разсужденїи *Бирона*. Обличенные оба въ оскорбленїи Величества (то есть въ наивеличайшемъ преступленїи, ибо великость онаго

го измѣряется всегда вредомъ Государству отъ того произходящимъ) но оба могущественны, не можно было по мнѣнїю моему ихъ сохранить безъ опасности. Сїе можетъ быть единое изъятїе, а изъятїе правила точность онаго доказуетъ. Присовокупимъ къ сему; дабы наказанїе было справедливо, надлежитъ оному имѣть токмо достаточную силу, для отвращенїя людей отъ злодѣянїй. Но какой человѣкъ восхощетъ промѣнять потеряніе совершенное и невозвратное своея свободы на злодѣянїе, какїя бы онъ ни ожидалъ отъ него выгоды. Изъ сего слѣдуетъ, что дѣйствїе наказанїя вѣчныя неволи, достаточно для отвращенїя отъ преступленїя наиотважнѣйшую душу.

Я не войду въ раздробленїе преимущества такого положенїя, ибо оно всякому благоразумному читателю представится очевидно, потому что нѣтъ злодѣя, кой бы къ чему либо не былъ пригоденъ, что самой природѣ совмѣстно. Если содѣлаешь зло обществу, возмездится за оное зломъ, то есть принужденною работою, сверхъ же того ясно, что вѣчная неволя тѣмъ и предпочтительна, что дѣйствїи ея въ глазахъ народа всегда обрѣтающїяся суть поразительнѣе и долговременнѣе. Теперь разсмотримъ вѣчная неволя не жесточѣе ли самыя смерти? Конечно жесточѣе въ глазахъ общества, но не для терпящагося. Общество судитъ по своей чувствительнѣе

тельности о сердцѣ, привычкою закоренѣломъ, а нещастный утѣшается отсутствїемъ болѣзней злѣе тѣхъ, кои онъ ощущаетъ; разкаянїе приходитъ къ нему на помощь и труды его облегчаются упражненїемъ. А какъ чувствительность въ человѣкѣ возрастаетъ по мѣрѣ крѣпости его разсудка, нѣжности тѣлосложенїя, или перемѣны его состоянїя, то я заключаю, чѣмъ человѣкъ будетъ просвѣщеннѣе, тѣмъ положенїе сїе будетъ для него несноснѣе; чѣмъ болѣе онъ могъ жить въ довольствїи, тѣмъ болѣе сїе состоянїе его скорбить будетъ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ облегченїя, ибо хотя злощій онъ, но человѣкъ. Сего требуетъ

правосудїе; ибо наказанїе долженствуетъ всегда быть соразмѣрно преступленїю. А какъ весьма рѣдко, что бы одинаковые предмѣты одинаковыя на разныхъ людей имѣли дѣйствїя, къ тому же ясно, что человѣкъ съ разумомъ или человѣкъ сладострастное житїе имѣвшїй гораздо наказанїе живѣе возчувствуетъ, нежели невѣжда, или тѣлосильный и крѣпкїй къ нуждѣ и нищетѣ привыкшїй: то заключаю, если таковые люди за одинаковыя преступленїя одинаково накажутся, одинъ наказанъ будетъ жесточѣе другаго, и казнь винѣ не будетъ соразмѣрна.

О любви.

Любовь есть чувство природою въ насъ впечатлѣнное, которое одинъ полъ имѣетъ къ другому. Всѣ одушевленныя твари чувствуютъ пріятность, горячность, силу и ярость оныя. По различное сложенїе тѣла слѣдовательно больше или меньше раздражательности въ нервахъ, различное соитїе обстоятельствъ воображенїе воспламѣняющихъ, словомъ различное соитїе внѣшнихъ предмѣтовъ на насъ дѣйствующихъ долженствуетъ неотмѣнно произволить различное чувствованїе. Разсматривая любовь при ее источникѣ, увидимъ, что сїе чувствованїе равно сродно лѣнивому

ослу и разъяренному льву; Португальцу крѣпкими напитками и прянымъ зелїемъ воспаленному, и Лопарю утомленному холодомъ и трудами. Сїе чувствованїе слѣдовательно есть необходимое, для того что оно въ нашемъ природномъ сложенїи имѣетъ свое начало. Любовь всѣ употребляетъ средства къ удовлетворенїю ея служащїя, преображаетъ еленей въ тигровъ, умножается отъ предстоящихъ препятствїй удовлетворенїю ея претящихъ, умаляется превзошедъ препоны. *Федеръ* справедливо примѣчаетъ, что любовь въ естественномъ состоянїи человѣка ужасна не была для того, что взаимная похоть ее скоро укрощала, но по возста-

возстановленїи обществъ она долженствовала сдѣлаться ужасною, какъ то она и есть. Самолюбїе со всемъ себя въ сравненїе ставящее, и себѣ всегда преимущество дающее, долженствовало неотмѣнно озлоблять самолюбїе другаго. Оно раждало зависть, а зависть ненависть, и такъ умножалися всѣ наши страсти. Онѣ столь много произвели божественныхъ дѣлъ и столько зла сотворили, что ихъ вообще ни хвалить, ни охуждать не надлежитъ. Нравоучители противу страстей возстающїе разсуждаютъ о человѣкахъ вообще по человѣку въ ихъ воображенїи сотворенному, или углубяся въ отдѣленнѣйшую Метафизику дока-

 зыва-

зываютъ весьма велегласными словами, что все несходствующее съ совершеннѣйшею совершенностїю, (которую не объясняютъ) и съ существеннымъ порядкомъ вещей, котораго не знаютъ, есть противудобродѣтель, порокъ и зло; и такъ мы постараемся отступить отъ понятїя отдѣленнаго и будемъ наблюдать дѣйствительныя отношенїй. Назовемъ добродѣтелїю то, что удовольствїе и благосостоянїе всѣхъ, (а какъ сїе не возможно) по крайней мѣрѣ многихъ людей содѣловаетъ, и разсмотримъ полезна ли любовь или вредна?

Человѣкъ есть хамелеонъ принимающїй на себя цвѣтъ предмѣтовъ

товъ его окружающихъ; живущій съ Мусульманами Мусульманинъ, съ куклами, кукла общества, въ коемъ мы обращаемся. Общежитіе вселяетъ въ насъ родъ своихъ мыслей, и побуждаетъ насъ то называть добрымъ, что оно добрымъ почитаетъ. Мы усвояемъ помалу страсти въ обществѣ господствующія; наипаче мы склонны къ возпріятію того, что насъ прельщаетъ, а все, что намъ веселіе доставляетъ, или обѣщаетъ, прельщаетъ насъ столь дѣйствительно, что объемлетъ всѣ наши душевныя силы. Всякъ довольно хотя и не весьма ясно понимаетъ, что мы благосклонность другихъ людей пріобрѣтаемъ сходствіемъ нашихъ мыслей и дѣяніемъ, съ ихъ мыслями

и

и дѣйствїемъ, а сїе потверждается опытами. Изъ того очевидно слѣдуетъ, что двое влюбленныхъ единаго составляютъ человѣка, единую имѣютъ волю и одинаковые поступки, ибо привычка преображаетъ природу. Случай, имѣющїй въ общежитїи свое начало, восхотѣлъ, что бы муцины были что женцины суть, на коихъ онѣ свои взоры обращаютъ, а не женцины то, что суть муцины.

И такъ любовь въ обществѣ не на тѣлесныхъ токмо и чувственныхъ основывающаяся чувствованїяхъ, но тысячїю чувствованїями производимая, любовь сїя, зависящая отъ предразсужденїй, отъ обыкновенїй и отъ состоянїя, не имѣетъ

етъ въ себѣ ничего непозволительнаго, и ничего наказанїя достойнаго. Она становится добродѣтелїю, или порокомъ, разполагаяся по воспитанїю женщинъ, тотъ или другой видъ приемлющему. У Грековъ, у коихъ мать слезы проливала, когда сынъ ее безъ лавръ возвращался, гдѣ дѣва прославившемуся сердце свое дарила, и вездѣ, гдѣ благоразумный законоположникъ женщинъ опредѣлилъ вперять въ сердца юношей ревность къ добродѣтельнымъ и отвращенїе отъ порочныхъ поступковъ, заслуживаютъ онѣ уваженїе, почтенїе и любовь; но въ нашемъ вѣкѣ, гдѣ красота, *которая ужаснѣе стихіи ея родившей*, воспитывается въ играхъ

и забавахъ, гдѣ вся разума ея округа внѣшнимъ ограничиваетсѧ блескомъ, гдѣ свобода въ убранствѣ, гдѣ прелесть поступи и нѣсколько наизусть выученныхъ модныхъ словъ заступаютъ мѣсто мыслей и изгоняютъ природное чувствованїе, гдѣ она принуждена ежечасно притворяться и сокрывать свои невиннѣйшїя склонности, гдѣ она злословна, для того что невѣдуща, честолюбива для того что не имѣетъ должнаго къ себѣ почтенїя, и коварна для того что живетъ всегда въ принужденїи и безпрестанно бездѣлицами упражняется; гдѣ она неограниченно обожателями своими управлять желаетъ; достойна ли она, что бы быть ея

жер-

жертвою, вѢ угожденїе ей наполнять голову свою замысловатыми бездѣлицами, оставить любовь истинны дабы ей понравиться, посвятить ей время свое, коего потеря всегда невозвратна? Въ наблюденїи безчисленнаго множества вещей, кои по разсмотрѣнїи найдемъ бездѣлицами, но трудными бездѣлицами, можетъ ли кто безъ внутренняго отвращенїя видѣть стараго, впрочемъ заслуженнаго и испытаннаго министра, которой отъ чрезмѣрной нѣжности невиннаго осудилъ на смерть, дабы поцадить злодѣя, отца своея обладательницы. Кто не возропщетъ на него! кто столь сильно обѣятъ любовїю, что разумъ его никогда не въ состоянїи

нїи покойно наблюдать вещи, а сердце всегда въ движенїи, и кто своими приобрѣтенными знанїями могъ бы свѣту быть полезенъ? Но кто можетъ противиться симъ голубымъ глазамъ, сему томящемуся и восхитительному взору, сему проницательному и привлекающему гласу. Кто можетъ облобызать бѣлую сїю и нѣжную руку, на коей поцѣлуй впечатлѣвается, и не потеряшь своего сердца? Кто можетъ видѣть сїю непринужденную походку, сїю величествевную осанку, воровскїе глазки, и что всего больше, слышать и видѣть добродѣтельныя предъупрежденїя, и не восхитить-ся и не воспалиться? Тотъ, кто въ младости къ тому приуготовленъ,

ленъ, кто старается познать истинное опредѣленїе человѣка, кто украшаетъ разумъ свой полезными и приятными знанїями, кто питается противными симъ страстями, кто величайшее услажденїе находитъ въ томъ, чтобъ быть отечеству полезнымъ, и быть извѣстнымъ свѣту.

Пись-

Письмы

касающїяся

до перьвой книги *Гельвецїева*
сочиненїя

О разумѣ.

Письмо I.

Милостивой мой Государь!

Я намѣренъ съ вами бесѣдовать о вещи весьма важной и многимъ трудностямъ подверженной; ласкаю себя, что вы мнѣ на сїе дадите дозволенїе, вѣдая довольно, что глубочайшїя размышленїя не токмо вамъ не наскучатъ, но возбудятъ развѣ ваше любопытство. Вещь сїя есть важная, ибо

ибо непосредственно касается до человѣка; трудная, ибо познанїе сердца человѣческаго и побужденїй къ дѣйствїю и недѣйствїю, весьма запутано. Сїе превзойдетъ можетъ быть мои силы: но самое сїе побуждаетъ меня прибѣгнуть къ вашему просвѣщенїю, которое по щастїю моему я узналъ и почитаю. Я ищу наставленїя, слѣдовательно я сомнѣваюсь. Но какъ не рѣшительность для разума, истинну возлюбляющаго, есть несноснѣйшее состоянїе, то и прошу я вашея помощи. Но не отважно ли сїе? И по истиннѣ сей мой поступокъ, отъ чрезмѣрнаго желанїя познанїи происходящїй, былъ бы непростителенъ, если бы я

менѣе

менѣе увѣренъ былъ въ милости вашей ко мнѣ; если бы вы, во время пребыванїя вашего въ Лейпцигѣ не удостоили меня дружескаго обхожденїя, и если бы вы мнѣ не дали полезнаго для меня дозволенїя прибѣгать къ вамъ во всемъ, что до меня касаться можетъ. Я осмѣливаюся почитать себя воспитанникомъ вашимъ, ибо всѣ насъ наставляющїе, или дающїй намъ способы къ наставленїю по справедливости истинными родителями почитаться могутъ. Но сїе есть наималѣйшее изъ одолженїй вашихъ. Вы извлекли душу мою изъ бездѣйствїя и унынїя, въ коихъ она погрязла, и по нещастїю не безъ причины. Вы возвратили ей всю ея дѣя-

тель-

тельность, отъемля причину ее угнѣтавшую. Вы вселили въ меня неутомимое рвенїе къ изслѣдованїю всѣхъ полезныхъ истиннъ и отвращенїе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основанїе въ необузданномъ воображенїи ихъ творцовъ, и мерзенїе къ путаницѣ высокопарныхъ и звонкихъ словъ, коими прежде сего я отягощалъ память мою. Но сколь велика долженствуетъ быть на конецъ моя признательность за то, что отъ васъ позналъ я удивленїя достойнаго сочинителя, коего книгу вы благоволи прочесть со мною? Послѣ того я три раза читалъ ее со всевозможнымъ вниманїемъ, и для того только воздерживаюсь хва-

лить его, что я увѣренъ совершенно, что хвалить такого мужа, какъ есть сей, долженъ только тотъ, кто самъ заслужилъ уже похвалу.

Скажу только то, что удивляяся его проницательности, ясности и изящности его слога, не рѣдко сожалѣю о его краткости. Изъ него то почерпну содержанїе сихъ писемъ, которые заключать будутъ сокращенїе сочиненїя о *Разумѣ*, или по крайней мѣрѣ онаго первыя и третїя книги. Но исполненїе сего предпрїятїя весьма трудное, требуетъ напряженїя разума, и довольнаго времени; да и тѣмъ паче что не всегда я съ Авторомъ одного

го

го мнѣнїя, по крайней мѣрѣ въ помянутыхъ двухъ книгахъ. Для объясненїя моихъ сомнѣнїй въ великїя нужно войти подробности; и я за нужное почелъ прежде всего предложить вамъ со всевозможною краткостїю стезю, которою онъ шествовалъ, во утвержденїи своихъ основательныхъ мнѣнїй и во извлеченїи слѣдствїй. Цѣль моя была двояка при семъ маловажномъ трудѣ. Перьвая, что бы тотъ, кто читалъ сїю книгу и о ней уже размышлялъ, могъ бы себѣ посредствомъ сея выписки мгновенно представить всю цѣпь мыслей сочинителя; вторая что бы начинающїй, имѣя сїю выписку предъ собою, не былъ бы отъ главнаго предмѣта отвлекаемъ

окольностями и прекрасными побочными разглагольствованїями сочинителя, и не проронилъ нить умствованїя его, запутавшись во множествѣ дѣянїй имъ приводимыхъ, гдѣ по дѣйствїю заключается о причинѣ. Вы можете судить достигнулъ ли я моего предмета; мнѣ же должно ожидать вашего сужденїя съ почтенїемъ пребывая чрезъ всю жизнь мою съ наичувствительнѣйшею благодарностїю.

есмь и проч.

Пись-

Письмо 2.

Сочинитель разсматриваетъ разумъ, яко способность мыслить, которая по сему и долженствуетъ быть качествомъ какого либо существа, духовнаго или вещественнаго; ибо другїе роды намъ не извѣстны. Сїя задача нерѣшенная до сего времени не можетъ имѣть о себѣ доказательства; тѣмъ паче, что сочинитель полагая всѣ дѣйствїи нашего разума въ чувствованїи, сїе равно съ тѣмъ и съ другимъ предположенїемъ согласуется. Но сїе то и требуетъ мнѣ кажется доказательства. Почитая душу вещественною, разсмотримъ, можетъ ли она чувствовать. Я

прежде всего замѣчу что *вещество* и *тѣло* суть два слова равнаго значенія; ибо сказать можно, что всякое вещество есть тѣло и всякое тѣло есть вещество. А понеже пространство, заключающее въ себѣ понятіе нераздѣлимости, непроницательность производящая что два тѣла не могутъ въ одно время занимать одного мѣста, бездѣятельность, качество тѣлъ, посредствомъ котораго они тщатся пребывать въ настоящемъ положеніи, и слѣдствіе непремѣнное самой ихъ непроницательности, суть три свойства тѣлъ необходимыя; понеже тѣло заключаетъ въ себѣ понятіе общее, и поелику то что прилагаемъ роду, прилагаемъ всѣмъ един-

единственностямъ къ нему принадлежащимъ: то слѣдуетъ, что всѣ единственности, поелику суть тѣла, заключаютъ въ себѣ вышесказанныя три качества. Слѣдуетъ, если бы начало чувствующее было тѣлесно, то было бы протяженно и раздѣлимо. Слѣдуетъ, что бы понимать можно было треть и четверть чувствованїя, что противорѣчитъ опытамъ.

Въ тѣлѣ примѣчаемъ мы только движенїе, что не иное есть какъ перемѣна мѣста, быстротечность и направленїе. Но равное ли видимъ въ нашей душѣ? И для того то въ каждомъ ударенїи чувствъ двѣ вещи различать надлежитъ: тѣлесную, или ударе-

нїе въ мозгѣ; духовную или понятїе въ душѣ отъ того раждающееся. Кто захочетъ о семъ сдѣлать на самомъ себѣ примѣчанїе, познаетъ оное непремѣнно. Когда разумъ напряженно разсматриваетъ нѣкоторые предмѣты и разсуждаетъ о понятїяхъ онѣми производимыхъ, то онъ не замѣчаетъ ни мало о ударенїи нѣкоторыхъ предмѣтовъ на орудїе слуха, хотя равное бываетъ ихъ дѣйствїе съ тѣми, кои производятъ звукъ, и хотя орудїе здраво. Причина же тому есть, что душа оному не внимаетъ. Но сочинитель думаетъ, что откровенїе таковой силы, какова на примѣръ сила притяжанїя, не долженствуетъ ли побуждать мыслить, что тѣла

имѣ-

имѣютъ еще нѣкоторыя свойства неизвѣстныя, какъ то свойство чувствовать. Въ первомъ моемъ письмѣ я намѣренъ разыскать сїе выраженїе.

есмь и проч.

Письмо 3.

Всѣ согласуются, что есть во всѣхъ тѣлахъ небесныхъ всеобщая тяжественность; что качество сїе, очевидное въ магнитѣ, притяженїемъ желѣза и стали, и по мнѣнїю утвердителей тяжественности свойственное всякому тѣлу, осязательно становится только въ весьма большихъ тѣлахъ, въ малыхъ же совсѣмъ не

ощутительно. Истинная же причина оную производящая намъ неизвѣстна, и Философы доселѣ въ ономъ не согласны. Одни утверждаютъ съ вѣроятностїю, что нѣкое тонкое и невидимое вещество дѣйствуетъ на тѣла, и ихъ одного къ другому устремляетъ, и они называются *Устремителями*. Другїе говорятъ, что есть въ тѣлахъ сила скрытая и сокровенная, между ими притяжательность производящая. Оныя присносущность утверждаютъ на всемогуществѣ Божїемъ, и называются *притяжателями*. Но если бы притяжательность была дѣйствїе всемогущества Божїя непосредственное, въ существѣ тѣлъ неутвержденное: то можно бы сказать

столь

столь же справедливо, что Богъ тѣла движетъ непосредственно, что и было бы непрестанное чудо.

Если мы вообразимъ два тѣла безъ движенїя и среди ихъ совершенную пустоту, то нельпо будетъ утверждать, что онѣ могутъ сблизиться, или притянуть одно другое; ибо тѣла въ слѣдствїе своея существенности тщатся пребывать въ настоящемъ положенїи. Не можно приступить къ противному мнѣнїю для того, что понимать не удобно причины, для чего тѣло недвижимое будетъ двигаться въ ту, а не въ другую сторону; еще же неудобопонятнѣе, что движущееся тѣло престаетъ двигаться

или премѣняетъ направленїе или скоростъ. И такъ если достовѣрно, что всякое тѣло по существу своему сохраняетъ свое положенїе, и что перемѣна въ ономъ происходитъ токмо въ слѣдствїе его непроницательности; то ясно, что тяжественность, то есть сила тѣло къ центру направляющая, хотя намъ неизвѣстная, не есть свойство въ тѣлахъ присносущное. Да и помнѣнїю тѣхъ, которые притяжательность почитаютъ силою въ веществѣ вкорененною, сила сїя не въ тѣлѣ надъ коимъ дѣйствуетъ. Слѣдуетъ, поелику извѣстны намъ силы только двухъ родовъ, силы тѣлесныя, изъ непроницательности тѣлъ происте-

кающїя,

кающїя, и силы духовныя существующїя токмо въ животныхъ: то притяжательность должествовала бы принадлежать къ третьему роду силъ, но ни къ тѣлеснымъ ни къ духовнымъ. Но дабы утверждать сїе, то надлежитъ непрекословно доказать бытїе сихъ силъ, и что сила притяжанїя не происходитъ изъ тонкаго вещества тѣла окружающаго. Если бы единожды возможно было, что бы два тѣла притягивать могли другъ друга и разстояніе между ними не было бы наполнено тончайшимъ веществомъ, то существенность притяжательности была бы неоспорима. Но какъ сїе не возможно, то можно въ томъ сомнѣваться или со всѣмъ отрицать.

Если же довольную имѣемъ причину отмѣтать силу притяжательную, то съ лучшимъ основанїемъ отрицать можемъ въ вещественности, свойство чувствовать. Но если вѣрно, что вещественность чувствовать можетъ, гдѣ найдемъ мы чувствующую соединенность, или нераздѣлимость? Присвоимъ ли оную каждой вещества частицѣ, или соборнымъ тѣламъ? Или присвоимъ сїю соединенность жидкостямъ и твердостямъ въ сложныхъ и въ началахъ? Говорятъ: въ природѣ нѣтъ опричь единственностей; но каковы онѣ? Единственностїю ли назовемъ камень, или сложенїемъ единственностей? Чувствительное ли онъ вещество, или содер-

житъ

житъ столько оныхъ, сколько въ немъ песчинокъ? Если каждая начальная порошинка (атомъ) есть вещество чувственное, то какъ вообразить сïе тѣсное сообщенïе, отъ котораго одинъ чувствуетъ себя въ другомъ, и столь совершенно, что оба суть одинъ? Части чувствующïя суть протяженны, но существо чувственное не раздѣлимо, одно, всецѣло, или же ничто. Сïи непреоборимыя трудности съ предъидущими причинами совокупно утверждаютъ меня во мнѣнïи, что познавъ вещественность протяженною и раздѣлимою, надлежитъ удостовѣриться, что она чувствовать не можетъ, ибо утверждая противное станешь присвоять одному

му существу, свойства одно другое изключающїя.

есмь и проч.

Письмо 4.

Сочинитель полагаетъ быть въ человѣкѣ двумъ силамъ страдательнымъ, которыхъ онъ признаетъ производящими нашъ разумъ причинами. Первая, свойство принимать удареніи внѣшнихъ предмѣтовъ, и сія есть тѣлесная чувствительность. Другая, свойство хранить сдѣланное на чувства удареніе, называется память. Память по мнѣнію сочинителя есть ни что иное, какъ единое опъ орудій тѣлесной

сной чувствительности, и чувствованїе продолженное но ослабевшее. То, что въ насъ чувствуетъ, говоритъ онъ, то непремѣнно и воспоминаетъ. Се доказательство его.

Когда я воспоминаю образъ дуба, тогда внутреннїе мои органы находятся почти почно въ такомъ же положенїи, въ какомъ они были, когда дубъ сей представлялся моему зрѣнїю. Таковое положенїе органовъ производитъ чувствованїе. Слѣдовательно, воспоминать есть чувствовать. Сїе заключенїе для меня не кажется убѣдительнымъ, и здѣсь доказательство основано на томъ, что въ задачѣ. Положимъ, что воспоминая образъ

дуба,

дуба, внутренніе мои органы въ равномъ положеніи находятся съ тѣмъ, въ какомъ они были видя сей дубъ; однако же симъ вопросомъ не удовлетворится, для чего и какъ, и доводъ недостаточенъ; ибо ясно, что здѣсь не заключаетъ сочинитель отъ одинаковыхъ дѣйствій на одинаковыя причины, ибо дѣйствія суть разны. Когда дубъ находился предъ моими глазами, тогда внутреннїе мои органы позыбнутые лучами изходящими отъ дуба, образъ его начерпавали въ глубинѣ моего глаза на нервенной сѣти совокупляющейся съ зрящимъ (оптическимъ) нервомъ, которой есть продолженїе мозга, и чрезъ него зыбленїе доходило

до

до мозга, гдѣ душа излекала понятїе. Но удаленный внѣшняго предмѣта, что дѣйствуетъ на мои органы? И если бы при воспоминовенїи внутреннїе мои органы были въ таковомъ же положенїи, какъ при удареніи предмѣтовъ на чувствы, то не имѣя ничего предъ глазами, я видѣлъ бы солнце. Слѣдственно понятїе напоминовенное совершенно разнствуетъ отъ понятїя возбуждаемаго предстоящимъ предмѣтомъ. Изъясненїе памяти, что она есть чувствованїе продолженное но ослабшее, для меня не удовлетворительно. Ибо или чувствованїе продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало первое,

вое, то бы понятїи намъ были присутственны непрестанно, чего однако же нѣтъ; ибо тщетно иногда стараемся возобновить иныя понятїя, которыя мы имѣли прежде; иногда же со всемъ ихъ позабываемъ, но обыкновенно забываемъ ихъ на половину. Если бы удареніе терялося со всемъ, какъ то случается; какъ бы вещественность могла воспоминать, что было на нее удареніе въ то время, когда оно на нее бываетъ вновь? Говоря, что память ни что иное есть, какъ чувствованіе продолженное но ослабшее, все присвоимъ чувствительности, но чувствительность производится движеніемъ нервовъ. Сіе движеніе можетъ умножиться и умен-

уменшишься по мѣрѣ удареніи сильнаго или слабаго всѣхъ частей предмѣта; слѣдовало бы, что когда воспоминаю о солнцѣ, тоже бы было, что я вижу луну, коея свѣтъ 200,000 разъ слабѣе свѣта солнечнаго. Но видѣть луну теперь и воспоминать только о солнцѣ суть двѣ совсѣмъ разныя вещи. А потому ясно, что понятіи чувственныя представляются намъ посредствомъ чувствъ; воспоминовенныя же производимъ мы сами по образу понятій чувственныхъ, поелику мы объ оныхъ воспоминаемъ. Понимаю я довольно ясно, что понятіи памяпіію произведенныя супь таковы же какъ и настоящія: но сіе относится къ душѣ. Что же касается

до

до тѣла, то всякое настоящее памятїю сопряжено съ нѣкоторымъ движенїемъ въ мозгу, чего не бываетъ съ произведеннымъ памятїю.

Признаться надлежитъ, что истинной источникъ памяти отъ насъ скрытъ совершенно. Вѣдаемъ мы что и тѣло въ ономъ участвуетъ; но и то вѣрно, что возобновленїе понятїй есть собственное дѣйствїе души.

Письмо сїе окончу я различїемъ сдѣланнымъ въ воспоминовенїи. Оно двояко. 1) Сила сохранять на нѣсколько времени понятїе настоящее. *Локкъ* сїе называетъ *разсмотрѣнїе*. 2) Сила возобновлять и оживлять въ разумѣ понятїи, которыя родясь

въ ономъ, изчезли и изъ онаго совсемъ удалилися. Сïе собственно назвать можно памятью.

есмь и проч.

Письмо 5.

Сочинитель разыскивая прилѣжно дѣйствïя разума человѣческаго ограничиваетъ ихъ на способность замѣчать сходствïя и различïя, приличность и разнообразность предмѣтовъ между собою. Слова всѣхъ языковъ, которыя почесть можно собранïемъ всѣхъ мыслей человѣческихъ, подтверждаютъ сïю истинну; для того что они представляютъ намъ одни токмо образы внѣшнихъ предмѣтовъ,

мѣтовъ, отношенїй ихъ одного къ другому и отношенїе ихъ къ намъ. Разумъ человѣческїй превыше познанїя сихъ отношенїй не возносится, и черты сея не преступаетъ. Но и сужденїе ничто иное есть, какъ самое сїе усмотрѣнїе или изъявленїе онаго: то и слѣдуетъ, что всѣ дѣйствїя разума суть токмо сужденїи. Но и судить есть ничто иное, какъ усматривать сходство и разность, принадлежность и неприличность нашихъ чувствованїй и понятїй. Слѣдственно поелику сила сїя ничто иное есть, какъ тѣлесная чувствительность, то и судить есть чувствовать; слѣдственно всѣ дѣйствїя разума суть чувствованїи.

Раз-

Разсужденїе сїе нахожу я весьма заключительнымъ. Всѣ предложенїи въ ономъ ясны и основаны на истиннѣ и опытахъ, одно изключая, то есть, что способность сравнивать понятїи наши и чувствованїи есть тѣлесная чувствительность. Сїе требуетъ разсмотрѣнїя, и поелику оно есть главное его предложенїе, то позвольте мнѣ оное раздробить.

Я за доказанное прїемлю, что всѣ дѣйствїя нашего разума состоятъ въ способности усматривать сходствїя и несходствїя, принадлежности и разнообразїя въ предмѣтахъ. Теперь доказать должно, что для сея способности нужна только тѣлесная чувствительность.

Нѣтъ ни малаго въ томъ сомнѣнїя относительно познанїя раз-

личїй между предмѣтами. Получивъ два чувствованїя или два понятїя не могу не чувствовать, что то что чувствую въ одномъ въ другомъ того не чувствую; или сказать яснѣе, что одно удареніе иначе душу возбуждаетъ нежели другое. Чувствуя сїе, чувствую ихъ различїе. Слѣдуетъ, что для усмотрѣнїя различїя между премдѣтами, нужно токмо чувствовать. Но можно ли то же сказать о ихъ сходствїи? Опредѣлимъ что значитъ сїе слово. Что назовемъ сходствїе одного предмѣта съ другимъ? Сходствїе существенное или случайное бываетъ, когда части одинъ предмѣтъ составляющїя равнородны или равнообразны другому; или когда части одного предмѣ-

та

ма суть во всемъ одинаковы съ частями другаго предмѣта. Если сїе вѣрно, то для познанїя сего нужна одна чувствительность тѣлесная. Ибо имѣя два чувствованїя разуму присутственныя, усматриваю непремѣнно какъ онѣ ударяютъ на мои чувства, одинакимъ ли образомъ или разнообразно; слѣдуетъ, оное усмотрѣть есть чувствовать.

Принадлежностїю называемъ когда одинъ предмѣтъ къ другому пристоенъ, прїятенъ, полезенъ, или нуженъ, или когда таковымъ намъ кажется; (въ дальнѣйшее изъясненїе сихъ названїй я не вхожу, дабы вмѣсто объясненїя ихъ не затмить). Но опыты доказываютъ, что разныя чувствованїя разнообразно на душу дѣйствуютъ. Иные разсматри-

ваетъ она съ удовольствïемъ, на другïе взираетъ съ отвращенïемъ; и посредствомъ того же опыта мы можемъ опредѣлить, принадлежность или разность между предмѣтами. Я изъ того заключаю, что судить есть тоже что чувствовать.

Для изъясненïя сего разсужденïя, я постараюся отдалить всѣ возраженïя, которыя противъ него сдѣлать можно.

1). Если душа есть существо страдательное, то или каждый предмѣтъ она чувствовать будетъ раздѣльно, или будетъ чувствовать цѣлой предмѣтъ хотя сложной. Но не имѣя силы ихъ соблизить, она сравненïя между ими сдѣлать не можетъ, не можетъ о нихъ судить. Что значитъ весь сей вздоръ? Каждой предмѣтъ будетъ

она

она чувствовать особенно, то есть что одно чувствованïе не будетъ другое, или что одно чувствованïе не существуетъ въ другомъ, равно какъ одно тѣло не можетъ занимать одного мѣста съ другимъ въ одно время. Весь предмѣтъ будетъ чувствуемъ, то есть оба чувствованïи присутственны будутъ разуму. Слѣдуетъ что душа не будетъ имѣть силы ихъ сравнить, и что не можетъ судить о ихъ смежности. Но изъ сказаннаго мною можно заключить со всемъ противное, и сказать; слѣдовательно не будетъ ей нужды ихъ соближать, слѣдовательно она будетъ судить объ отношенïяхъ двухъ чувствованïй или имѣть ихъ присутсвенными разуму, то есть будетъ ихъ чувствовать; но то

и другое равно, какъ то доказано прежде. Но говоря, что душа не имѣетъ силы соближать чувствованїя одного съ другимъ, если разумѣемъ, что душа не властна устремлять или отвращать своего вниманїя продолжать или окончать своего размышленїя, тогда задача становится важнѣе и касается до слѣдующей; свободны ли мы или нѣтъ? О семъ я съ вами въ особомъ письмѣ бесѣдовать буду.

2). Понятїя уравнительныя, большїй, меньшїй; понятїя числительныя, одинъ, два; понятїя отвлеченныя добродѣтель, красота, конечно не суть чувствованїя, хотя разумъ производитъ ихъ тогда, когда я чувствую. Дабы удостовѣриться о слабости сего разсужденїя войдемъ въ нѣкото-

которыя подробности. Что можетъ быть простѣе понятїя что отношенїе ничто иное есть какъ чувствованїе, или израженїе чувствованїя произведеннаго во мнѣ разсмотрѣнїемъ двухъ предмѣтовъ. Я сооружаю понятїе великаго; но оно не само по себѣ, а уравнительное; слѣдственно, кто имѣетъ понятїе великаго, тотъ не минуемо имѣетъ понятїе малаго. Слѣдуетъ если имѣю понятїе о большей палкѣ и о малой въ другъ, то какое нужно сравненїе, дабы чувствовать, что большая палка больше маленькой. Но какъ получилъ я понятїе о большемъ и маломъ? Получивъ два разныя ударенїя и примѣчая или чувствуя, что одинъ предмѣтъ имѣетъ больше

частей нежели другой, я назвалъ одинъ большимъ а другой малымъ, хотя бы назвалъ ихъ иначе, вещь въ самомъ дѣлѣ не перемѣнилась бы. Но какъ составляемъ мы численныя понятïя? Замѣчая различïя чувствованïй. Напримѣръ цвѣтокъ ударяетъ на орудïе моего обонянïя, я чувствую сïе ударенïе и сохраняю его посредствомъ памяти. Другой цвѣтокъ производитъ равное ударенïе; я и оное чувствую. Но сохранивъ прежнее ударенïе, теперь чувствую нетокмо ударенïе настоящее, но чувствую такъ же, что чувствовалъ подобное. Чувствовать что было во мнѣ подобное чувствованïе, есть тоже, что имѣть понятïе о двухъ чувствованïяхъ; и такъ далѣе. Разумъ слѣдуетъ той

же

же стезѣ при составленїи общихъ понятїй. Ибо очевидно, если удареніе разныхъ предмѣтовъ на мои чувства одинаково, но не возможно мнѣ нечувствовать, что чувствованіе мое при возрѣнїи какого либо предмѣта есть подобное тому, которое имѣлъ видя другой предмѣтъ. Но израженїе сего чувствованїя, есть составленїе понятїя общаго или отвлеченнаго, которое существовать будетъ токмо въ моей головѣ и которое однако же чувствовалъ я въ самомъ дѣлѣ.

3). Если бы въ употребленїи нашихъ чувствъ мы были токмо страдательны, то не было бы между нами никакого сообщенїя, не можно было мнѣ знать, что тѣло которое я осязаю, и тѣло,

которое вижу есть тоже. Или мы ничего внѣ себя чувствовать не будемъ, или будемъ чувствовать всегда пять существъ отдѣленно, коихъ единственности намъ примѣтить не возможно. Возраженїе сїе весьма сильно въ томъ признаюсь. Но принявъ, что въ употребленїи нашихъ чувствъ мы дѣйствующїи, (хотя сїе мнѣ кажется нелѣпымъ, ибо не быть въ употребленїи чувствъ страдательнымъ, есть то же что бы быть властну не чувствовать того, что чувствую) легче ли можемъ понять сообщенїе между чувствъ и какъ душа замѣчаетъ единственность понятїя. Представь себѣ слѣпаго, узнавшаго опытами какимъ образомъ шаръ и угольникъ ударяютъ на его осязанїе,

занїе. Слѣпой сей получивъ зрѣнїе не возможетъ конечно посредствомъ онаго различать шара отъ угольника; ибо если чувства его ударяемы на примѣръ шаромъ извѣстнымъ образомъ, не слѣдуетъ изъ того что бы и глаза его ударяемы были равномѣрно. Слѣдственно опыты насъ тому учатъ, слѣдственно разсужденїе, слѣдственно и сїе есть чувствовать. Хотя совершеннаго увѣренїя о единственности вещи въ насъ нѣтъ, но для чего тому удивляться, если доводамъ идеалистовъ мы опричь брани ничего противупоставить не можемъ.

4). Наконецъ послѣднее возраженїе есть сїе: если бы сужденїе объ отношенїяхъ было простое чувствованїе и происходило

бы

бы единственно отъ предмѣта, то сужденїи мои никогда не были ли бы ложны, ибо то не ложно что когда чувствую, то чувствую. Но на сїе буду отвѣтствовать въ слѣдующемъ письмѣ слѣдуя стѣзямъ сочинителя, которой доказываетъ, что всѣ наши заблужденїи отъ нашихъ страстей и отъ невѣденїя произходятъ. И если сїе послѣднее возраженїе достаточно будетъ опровергнуто, то излишнее будетъ да и нелѣпо утверждать что сила сужденїй не есть свойство чувствовать.

есмь и проч.

Примѣчанїе. Сочиненїя *Ѳедора Василѣевича* суть токмо въ переводѣ. Перьвое и послѣднее изъ оныхъ писалъ онъ на Французскомъ языкѣ, протчее же на Немѣцкомъ.

Сія книга Санктъ-Питербургу

Милостивой Государь мо

Ѳедоръ Василіевъ

Яковъ

Такъ Ружу Зовутъ